

16+

Shhh...

**ОЛЬГА
ГРИБОВА**

**ОХОТНИК НА
ВАМПИРОВ.**

Водоворот

Ольга Грибова

Охотник на вампиров. Водоворот

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Грибова О.

Охотник на вампиров. Водоворот / О. Грибова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Смерть – конец всему. У Влада есть любимая девушка, дружная семья и дело, которое их объединяет, но именно в момент наибольшего счастья старуха в балахоне заносит над ним косу. Что делать его близким, тем, кто любит его и отчаянно не желает терять? Как им поступить: выполнить волю Влада и дать ему умереть или спасти ему жизнь и навсегда потерять его доверие и любовь? Шестая книга из серии "Охотник на вампиров".

Содержание

Часть 1. Домик для Барби	6
Предисловие	7
Глава 1. На обочине	8
Глава 2. Охота на волков	12
Глава 3. Выгодная сделка	15
Глава 4. Родовое гнездо	19
Глава 5. Коридоры памяти	23
Глава 6. Дела давно минувших дней	27
Глава 7. Ночная прогулка	33
Глава 8. Среди костей и тлена	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Грибова
Охотник на вампиров. Водоворот

Часть 1. Домик для Барби

...я понял, что любовь не может быть ни счастливой,
ни несчастливой. Она невыносима в любом случае.
Евгений Гришковец «Рубашка»

Предисловие

Я всегда свято верил в непреложные истины. Например, если хочешь чего—то добиться, то надо действовать или в то, что мы вершим свою судьбу сами и за все когда—то придется расплачиваться. Я также убежден, что в пословице «мир тесен» есть большая доля правды. Но кто же знал, что этот самый мир окажется настолько ничтожно мал?

Именно в тот момент, когда, как полагал, прошлое окончательно оставило нас, скрывшись за непроницаемой пеленой времени, оно нанесло свой сокрушающий удар. Я не был готов к той встрече, что уготовила мне судьба. Да и можно ли подготовиться к встрече со смертью?

Глава 1. На обочине

Размеренные удары капель о дно оцинкованного ведра сводили с ума. Я заворочался на продавленном диване, пытаясь улечься поудобнее, и перевернулся на спину. Тяжелая, пузатая капля холодной дождевой воды ударила по лбу и медленно скатилась к виску, оставив за собой мокрый след. Я открыл глаза.

Прямо надо мной в потолке образовалась еще одна брешь. Скосив глаза направо, увидел младшего брата, спящего на соседней кушетке. На животе у него стояла алюминиевая кастрюля, наполовину заполненная водой. Он крепко держал кастрюлю обеими руками, даже во сне контролируя её местонахождение. Кажется, не я один столкнулся с разгулом стихии.

Шепотом обругав непогоду, сел и огляделся в поисках свободной посуды, но она вся была занята. Разнокалиберные кастрюли и ведра покрывали пол, стояли на шатких табуретах, громоздились на подоконнике. Не комната, а кухонный шкаф. С прохуdivшегося потолка капала вода. Таким нехитрым способом мы пытались хоть как—то оградить себя от неминуемого потопа, но перевес был не на нашей стороне. Дождь за окном только набирал силу, и оставалось лишь подивиться, куда в такую непогоду могла отправиться Эмми.

Прежде чем встать, я обул кроссовки. Вода в некоторых посудинах уже перевалила за критическую отметку и теперь стекала на пол. Шлепать по лужам босиком не хотелось. Надо бы вылить воду, мелькнула мысль на задворках сознания, но дальше этого дело не пошло. Ступая как можно осторожнее, пытаясь не задеть все эти банки и ведра, я кое—как выбрался из комнаты.

На кухне к дождю, упорно просачивающемуся в дом и ведущему себя здесь по—хозяйски, присоединился ветер. Он врвался в разбитое окно, и даже повешенный накануне плед не мог остановить его яростных порывов. Зябко поежившись под ураганным натиском сквозняка, я зажег плиту. Огонь трепетал от ветра, но не тух, отчаянно сопротивляясь его мощи. Заварив чай, пододвинул стул в самый сухой угол кухни и примостился на табурете, как попугай на жердочке, подтянув ноги к подбородку. От кипятка по желудку разлилось приятное тепло, и ночь перестала казаться невыносимой.

Как только мы умудрились очутиться здесь? В этом неизвестно в каком году заброшенном доме. Я уж не говорю о дате его постройки. Человеческая нога не ступала сюда, наверное, лет двадцать. Крыша прохудилась, окна разбиты, стены истончились, и любой, даже еле ощутимый ветерок превращался в завывающий сквозняк. После пары недель в этом кошмаре Дима заработал хронический кашель, да и я чувствовал себя не лучшим образом, а тут еще дождь. С тоской вспоминался прослушанный накануне прогноз погоды: «в ближайшие дни ожидаются осадки».

Как же это непросто – быть ответственным! С тех пор, как отец не пожелал нас видеть, пришлось взять заботу о нашем благополучии на себя. Только я был охотником на нечистую силу, но никак не банкиром. И если с нечистью я знал, как справляться, то что делать с недостатком финансов, понятия не имел. Большая часть денег закончилась еще в Москве, которую мы покинули в спешном порядке. Слишком многие в этом городе желали поговорить с нами по душам, и даже Павел – новый глава московских охотников – не смог бы оградить нас от нежеланных встреч. Конечно, остались кое—какие копейки, но о том, чтобы снять номер в гостинице не могло быть и речи. Пришлось подыскать бесплатное жилье. Подходящим вариантом как раз стал этот заброшенный дом, расположенный в глухой деревне.

Но где же ходит Эмми? Я выглянул в окно. Меня тут же обдало ветром вперемешку с дождем. Смахнув с лица холодные капли, плотнее прикрыл отверстие пледом и вернулся на стул, так ничего путного и не разглядев в разгулявшейся ночной стихии.

В последние недели Амаранта часто пропадала неизвестно где. Одно время я подозревал, что ей просто неприятно находиться в этом клоповнике. Ведь с Грэгори она привыкла к другой, обеспеченной жизни. Но постепенно пришел к выводу, что она не замечает окружающие нас неудобства. Амаранта – вампир, и такие мелочи, как мягкая постель, теплый и сухой дом, мало её волнуют. Хотя бы потому, что ей не надо спать, да и замерзнуть она вряд ли в состоянии.

Но её отлучки беспокоили. Для утоления голода девушке было достаточно одной ночи в две недели, а уходила она гораздо чаще, объясняя это тем, что подходящую жертву еще надо найти. Эмми уже давно избрала для себя особый рацион. Так как не убивать людей она в принципе не могла, то выбирала тех, кто не достоин жизни. Например, убийц, маньяков и прочих рецидивистов. Я уже привык к её роли санитаря леса и давно перестал интересоваться, где и как она пополняет запасы свежей крови, необходимые её организму.

Но в последние две недели все немного изменилось. Эмми как будто подменили. Она стала задумчивой, молчаливой и постоянно норовила улизнуть куда—то, и это в то время, когда наши и без того непростые отношения охотника на нечисть и вампира только начали налаживаться. Я вздохнул, поставил пустую чашку на трехногий стол и задумался. Что—то в этой ситуации не давало мне покоя. Какое—то тревожное предчувствие скреблось, как кошка, на грани сознания.

– Эй, чего не спишь? – пробормотал Димка у меня за спиной, и я чуть не свалился со стула от неожиданности.

Повернувшись к сонному брату, ответил:

– Да вот замерз, решил чая выпить.

В глазах Димы мелькнул интерес. Он направился к плите, в которую каким—то чудом еще подавался газ.

– Чего хмурый такой? – Дима поставил чайник на огонь и держал над ним руки, тщетно пытаясь их согреть.

– Не могу спать под шум капающей воды.

Он понимающе кивнул, но я усомнился, что такая ерунда могла ему всерьез помешать. По—моему братишка мог заснуть где угодно, когда угодно и в какой угодно позе.

– Надо где—то денег раздобыть, – заявил я неожиданно даже для себя самого, именно в эту секунду совершенно четко осознав, что долго мы так не протянем. Впрочем, это решение лежало на поверхности, просто я боялся озвучить его. Ведь это означало бы окончательную капитуляцию и признание того, что отец нас бросил.

Дима повернулся и внимательно посмотрел мне в глаза. Похоже, его мучили те же страхи.

– Надо бы, – наконец, словно произносит какое—то богохульство, осторожно согласился он.

Чай мы пили молча. Каждый думал о своем, но мне кажется, так или иначе наши мысли крутились вокруг одного и того же человека – нашего отца. Как ни странно, я не злился на него. Возможно, раньше я бы не принял его поступка, посчитав папу малодушным и злобным тираном, но теперь лучше понимал его мотивы. Похоже, именно так и начинается взросление.

Сначала Дима бросил нас с отцом. Увлечшись зельем из крови вампира, он отправился на поиски лучшей жизни, и папа запретил мне искать брата. Даже упоминать его имя в присутствии отца считалось дурным тоном. Но Эмми сумела меня убедить, что Димку нужно вернуть, да и я хотел того же. И вот уже я сам сбежал от отца.

Долго думал, почему он не желает принять нас обратно, и пришел к выводу, что дело здесь вовсе не в прощении и любви между отцом и сыновьями. Мы все—таки охотники, не последнюю роль в нашем деле играет послушание и умение беспрекословно выполнять команды. Стоит только один раз послушаться, и твои товарищи погибнут. Отец больше не может нам доверять, он не уверен, что мы снова не нарушим приказ. И любовь здесь совершенно не причем.

Дождь, собрав все силы, с неистовой яростью забарабанил по крыше. Неподалеку яркой кометой полыхнула молния, и стены затряслись от могучего раската грома. Мы с Димой переглянулись. Надеюсь, что наше ветхое жилище выдержит эту ночь. Не так—то просто отыскать заброшенный дом.

Скрипнула дверь в прихожей, и уже через секунду на пороге кухни показалась стройная девушка. Заметив нас, Эмми замерла, но быстро взяла себя в руки и даже улыбнулась. Лишь в синих, как море, глазах притаилась тень замешательства.

– Не спится? – её голос, подобный переливу хрустальных колокольчиков, вытеснил из моего сознания звуки грозы.

Она была прекрасна в своем насквозь промокшем белом платье. Под босыми ногами уже образовалась лужа, черные волосы обрамляли тонкие черты лица, а невероятно глубокие, темно—лазурные глаза блестели в свете огня. Как любой вампир Амаранта обладала полным набором соблазнения. Именно вампиры являются самыми совершенными существами и в первую очередь внешне. Иногда мне приходится напоминать себе, что под внешностью хрупкой шестнадцатилетней девочки дремлет сила одного из самых безжалостных хищников.

– Где была? – беззаботно спросил Дима, но я невольно напрягся в ожидании ответа.

– Да так... – Эмми неопределенно махнула рукой. Пришлось сделать пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Что за таинственность?

К утру дождь немного утих. В редких прогалинах между тучами выглядывало несмелое солнце. Наш день начался с того, что мы дружно вылили воду из всех ведер и кастрюлей, разумно вернув их на полагающиеся им места. Мало ли что.

Скудный завтрак состоял из яичницы (местные бабушки были так добры, что не только не спрашивали, откуда мы взялись, но и снабжали нас кое—какой провизией) и уже всем порядком надоевшего горького чая. Хозяйкой на кухне была Ксюша. Эмми в силу своих пищевых пристрастий совершенно не умела готовить.

После всего произошедшего Ксения решила остаться с нами. Как только мать не уговаривала её вернуться домой и продолжить учебу, но все было напрасно. Девушка не поддавалась влиянию, да и спорить со светлым магом (пусть только начинающим) себе дороже.

Мать Ксюши являлась тем единственным источником доходов, что еще оставался у нас. И это тоже тяготило. Я считал жизнь за чужой счет не лучшим способом существования для молодого и полного сил парня. Несколько раз всерьез пытался найти себе работу. Но стоило задуматься над конкретной профессией, и план рушился сам собой. Что я, в конце концов, умею, кроме как убивать разного рода тварей? Ответ очевиден: абсолютно ничего. Охота на нечистую силу – единственное, на что я пригоден. С образованием в одиннадцать классов, посредственным знанием мертвых языков и прекрасным владением разного рода оружием я годился разве что в наемники. Только карьера в этой области меня не интересовала. Но этим утром, после неутешительного подсчета скудных финансов, наконец, созрел план как нам выбраться из нищеты.

Позавтракав, мы не спешили расходиться, так как делать, в сущности, было нечего. Помимо всего прочего мы забросили и наше основное занятие – охоту. Как бы смешно это не звучало, но на неё тоже требовались деньги. Кто—то должен оплачивать бензин, покупать серебро для пуль, да и мало ли что еще может понадобиться. Оружие мертвым грузом лежало в машине. Я почти физически ощущал его немой призыв. Всегда казалось, что буду только рад, если подвернется случай оставить наше дело, но вот поди ж ты появилась возможность отдохнуть, а я только и занимался тем, что тосковал по своей винтовке. Наверное, в моем возрасте уже поздно меняться.

– Нам нужны деньги. Верно? – задавая вопрос, я заглянул в невеселые лица товарищей по несчастью. На всех было написано одинаковое желание помочь в сочетании с полной бес-

помощностью. – Я знаю, где мы их достанем. Помнишь, – обратился к брату, – мы с отцом как —то продали одному барыге зубы и шерсть оборотня?

Дима кивнул, и его глаза вспыхнули пониманием. Брат оживился:

– На этом можно неплохо заработать. Подобные ингредиенты используют во многих зельях.

– Осталось только найти оборотня, – задумчиво произнесла Ксюша.

– Это не проблема, – улыбнулась Эмми. – Их тут полно. Дайте мне один день, и я отыщу вам ближайшее логово.

Впервые за последние несколько недель я снова почувствовал себя хозяином положения и довольно откинулся на спинку стула. Оказывается, прав был тот, кто сказал, что безвыходных ситуаций не бывает. Конечно, пока еще рано расслабляться, но думаю, мы идем верным путем. Кто бы только знал, куда он способен нас завести.

Глава 2. Охота на волков

Как Эмми и обещала, оборотни нашлись довольно быстро и, что самое главное, неподалеку. Всего в паре километров от нашего покосившегося домика, в ближайшем лесу охотилась небольшая стая вервольфов.

Если в мире нечистой силы и существует какая—то иерархия, то оборотни стоят на её низшей ступени. Предсказуемые, недалекие, ведомые инстинктами волки считаются легкой добычей. Единственное их преимущество – сила, но и с ней можно совладать при помощи серебра. Охота на оборотня – первое, чему нас научил отец, выбрав наименее опасного противника.

Уже с утра, укрывшись от посторонних глаз за высокой травой на заднем дворе дома, я разбирал оружие и готовился к охоте. Амаранта, прячась от солнца, примостилась в тени крыльца и наблюдала за моей работой. Не доверяя прохудившемуся навесу, она надела пальто, надежно скрывавшее кожу от солнечных лучей. Я еще не видел, чтобы она чего—то боялась так же безумно, как небесного светила.

Из недр заднего сиденья автомобиля, под которым был устроен тайник, я осторожно извлек странного вида бронезилет: обычный свитер с нашивками в виде всевозможных серебряных украшений. Выглядела эта конструкция презабавно: черный вязаный свитер, увешанный колечками, цепочками и сережками, переливающимися всеми оттенками стального в свете утреннего солнца. Достав три таких бронезилета, сложил их на капоте. Возможно, их вид и вызывал улыбку, но в таком костюмчике не один оборотень не страшен. Ведь если он отважится на укус, то мигом лишится зубов.

– Где ты была прошлой ночью? – спросил у Амаранты, продолжая выкладывать необходимое для предстоящей охоты оружие. Краем глаза заметил, как она вздрогнула от внезапного вопроса.

– Гуляла, – робко отозвалась Эмми.

– И где же? Или это такая страшная тайна?

– Нет, – слишком, на мой взгляд, рьяно ответила девушка. – Просто я уже толком и не помню, где именно была.

Я повернулся и посмотрел на Амаранту. Она опустила голову, скрывая лицо под капюшоном пальто. Кажется, Эмми мне врал. Это открытие неприятно поразило. С тех пор, как мы уехали из города под названием Дно, между нами не было никаких тайн. Я начал верить, что мы пережили этот неприятный момент. И вот опять началось. Я как раз решал, что с этим делать, когда задняя дверь с шумом распахнулась, и выглянул Дима.

– Я иду помогать, – радостно оповестил брат.

И чего ему вдруг вздумалось проявить подобное рвение именно сейчас? Не иначе судьба. Ведь Дима никогда особо не интересовался подготовкой оружия к охоте, его больше вдохновляло применение нашего арсенала на практике. Мне не удалось поговорить с Амарантой, и причина, по которой она столь неумело лгала, осталась загадкой.

Ближе к вечеру мы, за исключением Эмми, натянули бронезилеты и отправились к логову оборотней. Машину пришлось оставить у кромки леса. В этой глуши он настолько разросся, что проехать сквозь многолетний бурелом было нереально. Захватив винтовки, заряженные серебряными пулями, мы покинули уютный салон автомобиля и ступили под раскидистые кроны деревьев.

Для вампира запах вервольфа – самая отвратительная в мире вонь, так что Эмми без труда вела нас по следу. Даже в темном лесу она не сбилась с пути и уверенно продвигалась к цели. Я шел следом за ней, позади то и дело спотыкалась непривыкшая к ночным вылазкам Ксения. Дима, как и следует галантному кавалеру, каждый раз подхватывал девушку,

не давая ей растянуться на устланной мокрыми листьями земле. Оставалось только удивиться такой выдержке брата. Он проявлял чудеса самообладания, ни разу не прикрикнув на девушку, чтобы та двигалась быстрее. В последнее время я перестал узнавать младшего брата, настолько сильно он изменился. Думаю, виновато в этом было не одно только зелье. Наверняка не обошлось без влияния Ксюши. Дима стал более ответственным и серьезным, а для него это огромный рывок вперед.

Логовом оборотней оказалась какая—то нора с прикрытым ветками узким лазом. Из неё шел такой удушливый смрад, что даже я прекрасно его чувствовал. Воняло мокрой псиной и тухлятиной.

Я подал знак Ксюше и Диме спрятаться. Они послушно притаились в ближайших кустах. Лишь дула винтовок торчали сквозь кривые ветви. Ступая так, чтобы ни одна ветка не хрустнула под ногами, я крался к входу в логово.

– Расслабься, – произнесла Эмми сбоку от меня. Я шикнул на неё, но девушка в голос пояснила причину своего легкомыслия: – они уже знают, что мы здесь. Должно быть, учуяли нас еще за километр.

Осознав всю нелепость своего поведения, я выпрямился в полный рост и уже собрался сказать что—то типа: «выходи, Леопольд, подлый трус», когда из норы раздалось приглушенное рычание.

К сожалению, так бывает довольно часто: вроде готовишься к охоте, идешь с полным осознанием того, с чем тебе предстоит столкнуться. И вот ты стоишь напротив логова оборотней и винтовка наготове, нацелена в самый центр норы, но в тот самый момент, когда чудовище выскакивает на тебя, ты словно в ступор впадаешь. И не помогут никакие годы тренировок, умение метко стрелять и быстро бегать. Ведь как не крути, а реакция зверя во много раз превышает реакцию человека. Дело здесь не в страхе: рывок оборотня занимает какие—то доли секунды, тогда как тебе понадобится целая вечность, чтобы просто поднять руку. Именно поэтому охотники редко занимаются нашим делом в одиночку. Если бы поблизости не было Димы с Ксюшей и особенно Эмми, стать мне ужином для оборотней.

Огромный волк выпрыгнул из норы прямо на меня. Я притягивал его как громоотвод молнию. Уже через какое—то мгновение его сильные лапы ударили меня в грудь, и я, потеряв равновесие, повалился на спину. Винтовка отлетела, да так что дотянуться до неё оказалось невозможно. В голове как неоновая вывеска вспыхнула мысль: «вот теперь мне точно конец». Но не успел толком расстроиться из—за неминуемой смерти, как оборотень, оставив меня лежать на сырой от вчерашнего дождя земле, отскочил в сторону. Подобно стрелам из логова выскочила еще пара волков. Размером они были поменьше первого, но не уступали ему в скорости реакций.

Перекатившись по земле, я добрался до потерянной винтовки. В это время на поляне творилось что—то невообразимое. Старший оборотень сцепился с Амарантой. Она теснила его обратно к норе, не прилагая к этому особых усилий. На секунду наши взгляды с матерым волком пересеклись, и я увидел граничащий с безумием страх в его желтых глазах. Издревле оборотни боялись вампиров, во много раз превосходящих их силой и скоростью. Думаю, волк уже понял, что эту битву ему не выиграть.

Не успел я встать снова на ноги, как на меня бросился самый щуплый оборотень. Наверняка он был обращен совсем недавно, иначе объяснить его глупый поступок я не мог. Волк попытался схватить меня за руку, которая была надежно защищена бронежилетом из серебряных украшений. Уверен, именно из—за них сбивший меня оборотень не посмел перегрызть мне глотку. Он наверняка знал, чем это для него закончится. Но молодому оборотню, похоже, еще не приходилось иметь дело с серебром. Этот раз стал для него первым и последним.

Вой, полный боли, пронесся над лесом. Мои барабанные перепонки не выдержали такой натиск, и я на время оглох. Челюсти оборотня даже не успели причинить мне хоть сколько—

нибудь значимый урон, как он уже отпустил мою руку и покатился по траве, тщетно пытаюсь избавиться от разъедающего пасть серебра.

Молодой волк хрипел, раздирая пасть передними лапами. Сейчас он был беззащитен, как шенок, и я решил не упускать такой момент. Прицелившись, отправил несколько грамм серебра прямо ему в морду. Раздался хруст ломающихся костей черепа, и оборотень упал замертво, так и не осознав, что произошло.

И снова над нашими головами пролетел вой. Я удивленно посмотрел в сторону издавшего этот звук волка. Вдруг показалось, что в этом вое слышится чуть ли не человеческий крик отчаянья. Так могла бы кричать мать, потерявшая ребенка. Но я не успел до конца осознать произошедшее, как вой оборвал Димин выстрел, и второй волк повалился на землю. В эту самую секунду Эмми прикончила вожака небольшой стаи.

В наступившей тишине стало слышно, как шелестят листья на деревьях. Опустив винтовку, я передернул плечами. Мне все никак не удавалось отделаться от мысли, что мы совершили непоправимое. Но ведь это всего—навсего оборотни? С чего их жалеть?

– Быстрее, а то они превратятся! – оклик брата вернул меня в реальность.

Выхватив из—за пазухи остро наточенный серебряный нож, я присоединился к остальным. Нам предстояло взять подходящие для продажи части тела оборотней до того, как они снова примут облик людей. Время было ограничено, ведь после смерти вся нечистая сила так или иначе покидает человека, и он снова становится тем, кем был до появления зла в его жизни.

Нам удалось разжиться неплохим запасом зубов оборотней и несколькими клочками шерсти до того, как начался процесс обратного превращения. Со смешанным чувством горечи и ненависти я наблюдал за происходящим. Хрустя, суставы и кости принимали свой первоначальный вид, клоками опадала шерсть, и вот уже перед нами лежало три человеческих трупа, изуродованных нашими руками. Мозг отстраненно отметил, что моя недавняя догадка оказалась верной: это была не обычная стая оборотней, а скорее семья – отец, мать и четырнадцатилетний сын. Последнего я уложил метким выстрелом в голову. Его зубы теперь болтались в сумке, висящей на моем плече.

– Какая мерзость! – с чувством воскликнула Ксюша. Ей, как и мне, была противна сама мысль о том, что всего минуту назад мы распотрошили эти тела.

– Надо бы их похоронить по—человечески, – вяло откликнулся Дима.

Я кивнул. Пожалуй, это единственное, что мы могли для них сделать – похоронить по—человечески. Думаю, после всего, что мы натворили, это наша прямая обязанность. Ни слова не говоря, я направился к машине за лопатами.

Глава 3. Выгодная сделка

Темно—красное «Рено» – машина Ксюши и на данный момент наше единственное транспортное средство – утробно урча, подскакивало на ухабах. Девчонки на заднем сидении играли в карты и весело болтали. Дима был не прочь присоединиться к ним, но из—за возложенной на него роли штурмана ему приходилось следить за дорогой. Насупившись, брат изучал карту, то и дело отвлекаясь на разговор с Эмми и Ксюшей.

– Куда потратим первый гонорар? – обернувшись к ним, спросил Димка.

Девочки задумчиво посмотрели друг на друга, на их лицах появилось одинаково хитрое выражение. Наблюдая за этой картиной в зеркало заднего вида, я не смог сдержать улыбку. Представляю, что за планы родились в их хорошеньких головках.

– Прошвырнемся по магазинам, – закатив зеленые глаза, мечтательно протянула Ксюша.

Ксения и Амаранта углубились в перечисление всех тех приятных женскому сердцу мелочей, которые они собирались приобрести в ближайшем будущем на деньги, вырученные от продажи останков оборотней. Глядя прямо перед собой на извивающуюся змейкой сельскую дорогу, я не посмел оборвать полет их фантазии. Они и сами прекрасно знали, что ничего подобного, конечно, не будет. Никто не пойдет в магазин и уж точно не станет покупать вечернее платье с юбкой в пол или браслет от Тиффани. Да и нет этому места в нашей повседневной жизни. Ну, куда скажите на милость, Ксюша наденет туфли на тонкой шпильке? Может, на охоту за вампирами? К тому же вырученных денег хватит разве что на пару недель относительно благополучной жизни, да и то в условиях жесткой экономии. Но было бы бесчувственно лишить девушек возможности помечтать, поэтому я упорно хранил молчание, позволяя им делить шкуру неубитого медведя. Так мы и ехали: каждый понимал, что сказанное – полная чушь, но упорно делал вид, что не замечает этого.

Наконец, впереди показались ворота пропускного пункта. Мы подъезжали к небольшому военному поселку. С виду ничем не примечательный, он все же был совершенно особенным. И дело вовсе не в одинаково серых панельных пятиэтажках или ярких детских площадках, и даже не в отгороженной высоким забором военной части. Просто городок уже не первый год являлся местом, где проводились так называемые охотничьи ярмарки. Конечно, основная масса людей, проживающих в поселке, понятия не имела о том, что творится у них под носом. Но концентрация охотников на один квадратный метр в городке была колоссальной. Они покупали и продавали всевозможные мелочи, необходимые для обрядов, оружие, которого в военном городке было в изобилии, при определенной доле везения тут можно было найти даже реликтовые амулеты. Здесь же мы рассчитывали выгодно продать останки оборотней.

Ярмарка охотников вовсе не похожа на обычные ярмарочные гуляния. Здесь нет сахарной ваты, каруселей, да что там, даже площади, уставленной разноцветными лотками с товарами, на этой ярмарке не сыскать. Она проходит незаметно для посторонних глаз. Даже само название «ярмарка» условно. Все, что нужно для участия в общем товарообмене – это знать адрес продавца—покупателя.

На пропускном пункте нашу машину остановил высокий, худой солдат в застиранной форме цвета хаки. Он внимательно изучил мои водительские права и, записав номер «Рено» в толстую потрепанную тетрадь, дал добро на въезд. Преодолев препятствие в виде двух лежащих полицейских, притаившихся прямо за КПП, мы медленно въехали на главную площадь городка.

В центре круглой заасфальтированной площадки красовался скудный газон. Два, три чахлах цветочных куста еще цеплялись за жизнь на давно никем не поливаемой и не рыхленной земле, но и их дни были сочтены. Сбоку к дороге примостился светло—голубой ангар, в котором, если верить выцветшей вывеске, находился магазин продуктов.

– Мило, – усмехнулся Дима, разглядывая одинаковые, выстроенные как по линейке ряды домов.

Я подавил вздох и направил машину в узкую улочку между домами. Слава Богу, нам точно известен адрес местного барыги, а то мы бы еще долго плутали.

Несмотря на то, что охотники нередко прибегают к помощи ярмарочных продавцов, а маги и того чаще, ни те, ни другие их не любят. Думаю, это связано с тем, что продавцы часто не гнушаются приторговывать истинными раритетами, при этом им плевать на то, кому их продавать. Как ни прискорбно, но даже в мире охотников всем заправляют деньги. Отсюда ненависть к организаторам ярмарок, обычно стоящим где—то посередине между добром и злом.

Оставив машину, мы дружной компанией вошли в подъезд. Даже Эмми пожелала принять участие в намечающихся торгах. Я не возражал, так как знал, что продавец не будет против вампира. Он бы не возмутился, даже если бы с нами пришел сам Люцифер. В конце концов, это всего лишь бизнес, детка.

Мы поднялись на пятый этаж, и я постучал в обитую черной кожей дверь. После пары минут ожидания нам открыл невысокий, лысый мужичок. Из недр квартиры пахло жареным луком и кислой капустой. Амаранта сморщила аккуратный носик. Как любой вампир она остро реагировала на запахи.

Мужичок бегло осмотрел нашу разношерстную компанию, хмыкнул, заметив принадлежность Эмми к кровопийцам, и направился вглубь квартиры, приглашая нас следовать за ним. Мы прошли в обычный коридор среднестатистической хрущевки. Низкие потолки, нагромождение шкафов и вешалок – все выглядело обывательски. На шум из кухни притопала упитанная тетка в блеклом халате. Увидев нас, она прищурилась и молча удалилась обратно.

Мужичок, подтянув спадающие треники, повел нас в одну из комнат, на дверях которой красовался амбарный замок. Только зайдя внутрь, я понял, что он так тщательно оберегал. Комната была нежилой. Окна – заклеены газетой, не будь под потолком лампы, здесь бы царил полумрак. Все стены увешаны полками. На них в произвольном порядке громоздились трехлитровые банки с частями тел, принадлежащими неизвестным науке существам. Рядом ютились разнокалиберные коробочки, флакончики и прочая дребедень. Пол был заставлен ящиками, где наверняка хранилось много интересного.

– Покупать или продавать? – сирым голосом осведомился «ярмарочник».

– Второе, – ответил я, положив сумку с останками обратной на ближайший сундук.

Между тем мои спутники увлеченно разглядывали выставленные сокровища. Я сам чувствовал себя так, словно оказался в музее мистических ценностей. Готов поклясться, что перстень с выгравированной на нем пастью дракона, бесхозно валяющийся на соседней со мной полке, уже давно разыскивается охотниками как одна из самых могущественных печатей демона—парки, имеющего власть вмешиваться в судьбы людей. Но только вряд ли кто—то сможет забрать его отсюда силой. Из этой комнаты перстень не вынести. Обычно такие склады защищают заклинания. Его можно только купить. Но я даже не в состоянии предположить, сколько может стоить печать одного из верховных демонов и как она вообще попала к скупщикам.

– Что у нас тут? – «ярмарочник» полез в сумку, но как только увидел её содержимое, интерес на его лице сменился скукой. – А, зубы оборотня, – протянул, и мне показалось, что он еле подавил зевок. – За все дам десять тысяч.

– Десять тысяч?! – расслышав цену, Дима не смог промолчать. – Да это же почти ничего! Возмущению брата не было предела, но скупщик плевать хотел на это.

– Что поделать? Времена нынче непростые. Кризис, знаете ли. Ну, так что, идти за наличкой?

Любопытно было бы узнать, как экономический кризис отразился на делах охотников. Или спрос на зубы оборотней резко упал в связи с нестабильной ситуацией на бирже? Но, несмотря на возмущение, переполняющее меня изнутри, я был вынужден согласиться на предложенную цену, отлично понимая, что другого выхода у нас все равно нет.

Сделка прошла быстро: отдав добытые в нелегком бою трофеи за сущие копейки, мы пошли к выходу. Девочки притихли, то ли от того, что наши старания оценили так низко, то ли комната Али—Бабы произвела на них столь неизгладимое впечатление. Дима, насупившись, семенил позади меня.

– Есть тут у вас хоть кафе какое—нибудь приличное? – проворчал брат, прежде чем покинуть квартиру.

– Ага, – услужливо кивнул «ярмарочник». – В соседнем доме, вход с торца.

После проделанного длинного пути идея насчет кафе не показалась мне такой уж плохой. Ну и пусть это расточительство. Я уже с трудом мог вспомнить, когда в последний раз ел вволю. Решив, что все мы заслуживаем небольшого поощрения, выйдя из подъезда, взял курс на кафе.

Заведение оказалось на удивление милым и чистым, да и кормили здесь неплохо. Размякшие от обилия сытной и вкусной еды, мы едва не задремали за столом. Одна лишь Амаранта несла вахту, зорко отслеживая передвижение людей по залу. Именно она предупредила меня о приближении подозрительного человека. Рука Эмми накрыла мою, и я автоматически отметил, какой теплой, почти неестественно горячей она была. Принадлежи эта рука человеку, я бы решил – у него жар, а так просто заключил, что моя девушка недавно подкрепилась свежей кровью.

Подошедший к нашему столику мужчина выглядел как заправский вояка, но под маской военного я без труда узнал охотника – старого друга отца.

– Вот так встреча! – радостно воскликнул Антон, здороваясь со мной и Димой. – Не ожидал вас здесь увидеть, ребята. А где Виктор?

Мужчина оглянулся в поисках отца. Я соврал, что мы путешествуем отдельно, одновременно поясняя, что папа в полном порядке. Чтобы как—то отвлечь Антона от мыслей о Викторе, познакомил его с Ксюшей и Эмми. При виде Амаранты глаза охотника вспыхнули нездоровым блеском, я напрягся и положил ладонь на рукоять ножа, висящего на поясе.

– Значит, это правда, – ухмыльнулся Антон, – а я думал, что такого не может быть.

Кажется, слухи о нас с Амарантой разлетались быстрее ветра, и охотник уже успел наслушаться про мои отношения с вампиром.

– Говорят, ты неплохо справляешься с оборотнями, – подмигнул Антон Эмми.

– И не только с ними, – пропела она в ответ.

Несколько бесконечно долгих и напряженных для меня секунд охотник пристально рассматривал Амаранту, а потом, как ни в чем не бывало, обратился ко мне.

– Слышал, у вас денежные проблемы?

Я кивнул, уже привычно удивившись, откуда он все знает. Ведь не прошло и часа с тех пор, как мы вышли от скупщика.

– У меня есть одно дело на примете. Обещают неплохо заплатить, но сам я занят, – разоткровенничался охотник. – Могу поделиться.

Не то чтобы я почуял подвох, на самом деле среди охотников принято делиться работой, которую сам не в состоянии выполнить (правда, когда речь заходит о деньгах, время обычно находится), но я решил все разузнать, прежде чем соглашаться.

– Что за дело? – спросил, пихая под столом Диму, готового тут же дать согласие непонятно на что, и одновременно жестом приглашая Антона присесть за наш столик.

– Да так, – охотник чересчур беспечно махнул рукой. – Сущий пустяк. Одна очень обеспеченная супружеская пара прикупила себе особнячок. Что—то из старого фонда. Может, даже

памятник архитектуры какой, я точно не знаю. Так вот там, по их мнению, завелись привидения. Как я и говорил: дело выеденного яйца не стоит.

– Почему сам не возьмешься?

– Так занят я, – заметив недоверие на моем лице, он добавил. – Считаю это подарком в знак дружбы с вашим отцом.

Я мысленно взвесил все за и против. Но убедили меня вовсе не доводы рассудка, а умоляющий взгляд брата. В который раз я напомнил себе, что отныне его судьба в моих руках. Десять тысяч скоро закончатся, нам снова придется голодать и жить в старых развалюхах. Да и что такого страшного может быть в каком—то там привидении?

– Мы согласны, – ответил я. Само собой, это решение было судьбоносным, как, впрочем, и все, что мы принимали. В итоге, стоя на пороге смерти, я даже не удивился, что все произошло именно так, словно это уже было кем—то заранее спланировано. Если жизнь чему—то меня и научила, так это тому, что ничего в мире не совершается просто так, без всякой на то причины.

– Славно, – потер руки Антон. – Завтра познакомлю вас с работодателем. Дом находится тут неподалеку, долго добираться не придется. А пока вы мои гости.

С этими словами охотник подозвал молоденькую официантку и щедро предложил оплатить обед. Если до этого кто—то и сомневался в его искренности, то после такого широкого жеста он окончательно завоевал наши измученные нехваткой финансов сердца. Стыдно признаться, но даже я (хотя подобная легковёрность мне не свойственна) счел Антона отличным парнем.

Встреча с владельцами странного дома прошла хорошо. Они оказались очень милыми и, что немаловажно, щедрыми людьми. Нам посулили золотые горы, если только мы сумеем приструнить распоясавшегося призрака за то, что он не дает им спокойно заселиться в приобретенный недавно дом. Более того, нам предоставили особняк в наше полное и, обратите внимание, единоличное распоряжение. Так что проблема с проживанием разрешилась сама собой. Не задание, а отель всё включено.

– Дело в том, – долго и обстоятельно объяснял мне Игорь Александрович, хозяин дома, – что по ночам в доме творится что—то невообразимое. Слышатся шорохи, стоны, вздохи.

– Дом старый, – резонно заметил Дима. – Сквозняки всякие гуляют, полы скрипят.

– Мы тоже так сначала думали, но потом стало только хуже, – вмешалась жена хозяина. – Вещи стали пропадать или менять свое местоположение. Например, я оставила телефон на тумбе, а утром нашла его в холодильнике.

Против сотового в холодильнике возразить было нечего. Едва ли женщина по собственной невнимательности положила его туда. Выглядела семейная пара вполне здравомысляще и не производила впечатления людей, склонных к пустым истерикам. Если что—то сумело напугать таких хозяев, то в доме действительно нечисто.

Получив ключи от особняка, мы решили не мешкать и отправиться туда немедленно, тем более что альтернативы с жильем у нас все равно не было, а на улице уже сгустились сумерки.

– Подожди, – остановил меня Антон, прежде чем я успел сесть за руль «Рено». – Я лично проверял этот дом и могу сказать, что это не пустая болтовня. Там происходит что—то по—настоящему нехорошее.

– Это мы и так знаем, – ответил я, удивившись такому предостережению. На то мы и охотники, чтобы идти туда, где творится что—то плохое. Я внимательно взгляделся в лицо Антона, и на секунду мне показалось: он хочет добавить что—то еще.

– Вот и славно, – усмехнулся охотник почти беззаботно, и ощущение недосказанности пропало. – Желаю удачи.

Устроившись на водительском сиденье, я помахал Антону на прощание и плавно нажал на педаль газа.

Глава 4. Родовое гнездо

Дом стоял на отшибе, вдалеке от цивилизации, на пологом холме. Остроконечная крыша возвышалась над деревьями. Мы заметили её издалека. Нынешние хозяева особняка рассказали, что когда—то он был частью большого помещичьего двора, но постепенно дворянский род приходил в упадок, а революция и вовсе поставила крест на попытках возродить их былое величие. Усадьбу разграбили и разрушили. Из всего богатства уцелел только дом, да и то лишь потому, что приглянулся одному из наркомов и тот приспособил его под дачу.

Дальше нить истории обрывалась. Станным образом до недавнего времени о доме ничего не было известно, кроме того, что он почти в идеальной целостности и сохранности простоял девяносто лет, прежде чем его купили последние владельцы. Игорь Александрович в разговоре с нами особенно настаивал на том, что большинство мебели, как и разные мелкие безделушки, были приобретены вместе с особняком и являются частью культурного наследия. Нам прозрачно намекнули, чтобы мы ничего не трогали и относились к окружающей обстановке с подобающим трепетом.

Редкий лесок расступился, и над нами навис массивный каркас особняка.

– Ого, как в сказку попали, – присвистнул Дима.

С ним было трудно не согласиться. Дом в точности соответствовал представлениям о жилище помещиков. Огромный, двухэтажный, с рядами украшенных резьбой окон, он словно сошел со страниц русских сказок. Казалось, вот сейчас дверь откроется и нам навстречу выйдет добрая старушка в ситцевом платочке с графином молока в руках.

Я улыбнулся своим фантазиям. Меньше всего сейчас хотелось думать о привидениях и прочей чертовщине. С трудом верилось, что в таком приятном месте может завестись нечто подобное. Дом, покрашенный в светло—бежевый цвет, напоминал ласковое весеннее солнышко, которое в отличие от летнего не яростно жжет землю, а нежно целует молодые побеги. Если что—то и притаилось за ажурными белыми занавесями, то оно надежно спряталось от посторонних глаз, так что даже чутье охотника, привыкшего ко всякого рода неприятным сюрпризам, крепко спало.

– Милое местечко, – произнесла Ксюша. – Даже не верится, что здесь что—то не в порядке.

Я уже собирался согласиться с девушкой и добавить, что хозяева особняка просто экзальтированные люди, видящие опасность там, где её нет, но меня опередила Эмми.

– Я бы не делала таких поспешных выводов.

– Ты что—то чувствуешь? – насторожился Дима.

– Пока трудно сказать, но места здесь беспокойные, – прошептала в ответ Амаранта.

Я перевел взгляд на ладный забор с кованой решеткой, за которым притаился воздушный фасад дома, и невольно нахмурился. Как бы ни было сложно поверить в опасность, о которой говорила Эмми, я знал: интуиция вампира – особая вещь. Она гораздо сильнее интуиции любого человека, а порой и ведьмы. Не доверять ей было бы крайне глупо.

– Значит, так, – заявил я, как только мы въехали во двор. – Держимся вместе. Никуда не разбредаемся. Ты понял, Дима?

– А чего сразу Дима? – брат обиженно посмотрел на меня, но я оставил его без ответа. Мы оба прекрасно знали, что если кто и попадает чаще других в неприятные истории, то это он.

Мы дружно покинули автомобиль, да так и остановились в нерешительности. Как стадо напуганных баранов, мы таранились на двери дома, боясь сделать шаг навстречу неизвестному. Засунув руку в карман, я нащупал связку ключей от особняка. Похоже, и в этот раз придется взять инициативу в свои руки. Стараясь выглядеть как можно невозмутимей, хотя у меня отчего-то вдруг затряслись поджилки, направился к входной двери.

Несмотря на старину, пропитавшую каждый клочок земли и сантиметр постройки, ключ в замке повернулся легко, а дверь не издала ни единого скрипа, совершенно беззвучно распахнувшись перед нами. Из дома донесся аромат корицы и, чтоб мне провалиться на этом месте, если я вру, запах свежее испеченных пирожков. От удивления мы застыли на пороге. По словам Игоря Александровича, все обитатели покинули дом.

– Здесь кто—то есть, – уверено заявила Эмми, первой заходя в светлые, просторные сени.

Мы последовали её примеру и вошли в дом, попутно прислушиваясь к наполнявшим его звукам. В жилую часть вела широкая выкрашенная олифой деревянная дверь, за которой скрывалась колоссальных размеров гостиная. Первой бросилась в глаза русская печь – главное украшение комнаты. Выложенная изразцами с нежно—голубым рисунком в стиле гжель, она приковывала взгляды. На многочисленных полках, окружающих печь со всех сторон, красовались различные безделушки и черно—белые фотографии. Должно быть, именно об этих вещах предупреждал хозяин. По крайней мере, выглядели они как настоящие раритеты. Наверняка пережили не одного владельца дома.

Мы так и стояли на пороге гостиной, когда одна из боковых дверей открылась и в комнату вошла невысокая, полная женщина в белом накрахмаленном переднике, накинутом поверх пестрого платья. От изумления мы потеряли дар речи. Первым делом я подумал, что мы, наверное, жутко испугали бедняжку. В старых джинсах и топорщащихся от спрятанного оружия рубашках мы скорее походили на разбойников с большой дороги, чем на званых гостей. Но вместо того, чтобы закричать от ужаса, женщина приветливо улыбнулась.

– Не ждала вас так рано, – заметила она. – Но думаю, пирожки уже готовы.

Значит, нос меня не подвел, и пахло все—таки свежей выпечкой, отметил я мимоходом. Женщина вела себя раскованно и радушно, и мы вскоре оттаяли. Пирожки оказались на удивление вкусными. Димино сердце хозяйка завоевала навсегда. С её слов мы узнали, что Игорь Александрович попросил нас встретить и показать, что здесь к чему. Женщину звали Людмилой. Она работала в доме кухаркой.

Людмила с удовольствием провела для нас импровизированную экскурсию. Нам выделили две спальни на втором этаже. Широкие кровати с ортопедическими матрасами не имели ничего общего с древнерусским бытом, как, впрочем, и дорогая немецкая сантехника. На первом этаже помимо гостиной и кухни был оборудован небольшой кабинет. Его в изобилии украшали последние достижения техники, включая огромную плазменную панель.

Ближе к вечеру Людмила засобиравшись домой. Я предлагал подвезти её, но женщина заявила, что живет в деревне неподалеку и путь туда лежит через понтонный мост, по которому машине не проехать. Пообещав навестить нас как—нибудь на днях, кухарка ушла.

По мере того, как солнце опускалось за линию горизонта, а вечерние тени все ближе подбирались к стенам дома, меня все больше наполняла на первый взгляд беспричинная тревога. Особняк уже не выглядел милым, сказочным домиком. По стенам гостиной, где мы расположились после ужина, поползли черные полосы, и как только погасли последние лучи солнца, на дом вместе с ночным сумраком опустилась зловещая тишина. Чудилось, что особняк подобно хищнику замер в ожидании новой жертвы.

– Надо бы окна на ночь прикрыть, а то комары налетят, – зябко поежившись, произнес Дима и поспешно направился выполнять задуманное. Я, конечно, мог возразить, что на окна натянуты специальные противомоскитные сетки, но решил промолчать, так как не меньше его хотел отгородиться от улицы, где даже стрекот кузнечиков звучал как «Реквием».

Ксения включила люстру, и мягкий искусственный свет затопил комнату, оттеснив зловещие тени в дальние углы гостиной. Эмми, скинув надоевшее за день пальто, пристроилась у одного из подоконников и что—то выглядывала в темноте. Она напомнила мне жену моряка, нетерпеливо ожидающую возвращения любимого на берегу. Внимание Димы привлекла печная полка, на которой в ряд стояло несколько рамок со старыми фотографиями. Чуть ниже

расположился целый выводок странного вида кукол, пришедших, видимо, из тех же времен, что и фото.

Некоторое время брат просто с любопытством рассматривал предметы старины, а потом протянул руку и взял одну из кукол с полки.

– Поставь на место, – в приказном порядке сказал я. – Не дай Бог, она рассыплется у тебя в руках. Мы потом всю оставшуюся жизнь будем за неё расплачиваться.

– За эту страшилку? – Дима хмыкнул, демонстрируя сомнение, но все же вернул куклу на полку.

Я подошел к печи и посмотрел на игрушку. Видок у неё на самом деле был жутковатый. Видимо, человек, сделавший её, понятия не имел, как должны выглядеть куклы. Эта, как и три её подружки, сидящие по соседству, была тонкой как шпала. Ноги, руки и шея—жердочка выглядели непропорционально длинными по сравнению с туловищем, а большая голова напоминала арбуз, наколотый на палку. Раскосые глаза придавали кукле сходство с китайцами, а выпирающие скулы делали лицо неожиданно суровым и даже злым.

Подивившись большой фантазии кукольника, я перевел взгляд на фотографии. Они интересовали меня куда больше каких—то, пусть и страшненьких, игрушек. На центральной была запечатлена большая семья. Всего четырнадцать человек: три женщины в кружевных белых платьях до пола, четверо мужчин в черных костюмах и семеро детей разных возрастов. В глаза бросились четверо малышей. Находились они в разных углах фото, но их будто связывала невидимая нить. Присмотревшись, решил, что дело в одинаковых выражениях на их измученных лицах. Дети выглядели обреченными. Глаза заволокла дымка, словно маленькие души пребывали уже где—то далеко от тел. Помимо этого все четверо сидели на руках взрослых, тогда как остальные малыши проявляли больше самостоятельности.

– Никогда не понимала этой жуткой традиции, – произнесла подошедшая к печи Ксюша.

– Что за традиция? – переспросил я, так как не понял, о чем идет речь.

– Фотографироваться с мертвыми, – девушка кивнула на семейное фото, которое я так пристально разглядывал.

– С мертвыми? – повторил я как эхо.

До меня вдруг дошло, почему позы четверых малышей выглядели такими неестественными. И глаза! О да, это безусловно были глаза покойников: совершенно бессодержательные, мертвые, лишённые всякой осмысленности, одним словом пустые.

– Вот так фотка на память, – пробормотал Дима.

– Что же, сразу все четверо умерли? – усомнился я, все еще вглядываясь в лица детей в поисках хоть какой—то жизненной искры.

– Должно быть, эпидемия. Чахотка или что—нибудь в этом роде. Раньше с медициной было туговато, – пояснила Ксюша. – Мне интересно, а Игорь Александрович знает, что у них в гостиной стоит фото мертвецов?

Вопрос повис в воздухе, зато у нас появилась зацепка. Четверо погибших ребят – веская причина для появления в доме призраков. Расстраивало то, что самому старшему из детей на вид было не больше восьми, а младший едва достиг пяти лет. Всегда грустно думать о детских смертях, а уж видеть их трупы воочию (пусть и на фотографии) еще печальнее.

– Пойду осмотрюсь, – неожиданно заявила Эмми, не принимавшая участие в нашей беседе и вообще вряд ли слышавшая про фото с мертвыми малышами. Возможно, в другое время я бы её остановил или хотя бы попытался выяснить, откуда взялось это внезапное желание прогуляться, но привычка – дело прежде всего – взяла своё, и я только кивнул в ответ на её слова.

– Надо бы замеры сделать, – прервал ход моих мыслей голос брата.

Проводив Амаранту взглядом, я повернулся к Диме.

– Я принесу прибор.

С этими словами направился к двери. Внутренний двор, обнесенный со всех сторон забором, выглядел сносно благодаря свету, падающему из окон дома. Подозреваю, что и он мог бы показаться весьма неприятным местом, если бы не это рассеянное освещение. «Рено» стояло в тени высокого дуба, растущего прямо посреди двора, наверное, еще с незанятых времен. Красный цвет машины смотрелся особо вызывающе, словно испачканный в крови монстр прилег отдохнуть после удачной охоты.

Нужный прибор, с помощью которого мы собирались измерять электромагнитный фон в доме, находился, как и все охотничьи приспособления, в тайном отделении под задним сиденьем автомобиля. Пришлось повозиться, чтобы найти его среди горы различного оружия и прочих мелочей. Закрыв дверь машины, я собрался вернуться в дом, когда слух уловил какую-то возню за толстым стволом дуба. Вытащив револьвер, я осторожно подобрался к источнику звука.

Подкрадываться незамеченным к цели отец научил меня, когда мне было девять лет. Правда, я еще тогда задался вопросом, зачем это нужно. Обычно те, на кого мы охотимся, в состоянии учуять наше приближение едва ли не за километр. И тут уж крадись или нет, толку все равно никакого не будет.

Выставив руку с револьвером вперед, я резко завернул за ствол дерева и нос к носу столкнулся с Амарантой. Револьвер уперся прямо в вырез светлого—бирюзового платья. Эмми подняла руку и указательным пальцем отвела дуло в сторону.

– На кого охотимся? – не скрывая улыбки, поинтересовалась девушка.

– Я ведь мог и выстрелить, – я убрал бесполезное оружие за пояс джинсов и прикрыл его рубашкой.

– С каких пор тебе за каждым углом мерещатся злодеи? – голос Амаранты неожиданно потеплел, томной волной он обволакивал меня, притупляя бдительность. Эмми прильнула ко мне, подставляя губы для поцелуя. Сил противиться соблазну не было. В голове мелькнула мысль, что я слышал как минимум два голоса, но она почти сразу захлебнулась во всепоглощающем пламени, затопившем сознание.

– Влад, ты там где? – со стороны дома долетел голос Димы.

– Похоже, тебя вызывают, – произнесла Эмми, неожиданно отстранившись от меня. Стоило ей отдалиться, и я почувствовал себя безмерно одиноким, как заблудившийся в пустыне странник. Прошло несколько секунд, прежде чем сумел взять себя в руки. Внутри все еще бушевал пожар, превращая кровь в огненную лаву, но усилием воли я заставил себя не обращать на это внимания.

– Ты идешь?

– Чуть позже, – откликнулась Амаранта. Её голос выдал волнение, но меня не покидало странное чувство, что причиной ему был не я.

Не став перечить, просто развернулся и пошел к дому, на пороге которого меня ждал брат.

Глава 5. Коридоры памяти

– Будет лучше, если мы разделимся, – произнес я, протягивая Диме один из эхолокаторов.

– А это безопасно? – осмотревшись по сторонам, поежилась Ксюша.

Мы стояли в центре просторной гостиной, которая в теплом свете люстры казалась самым надежным и безобидным местом в мире. За резными ставнями окон притаился враждебный мир, а над нашими головами поскрипывали старые доски пола второго этажа, но здесь было тихо и уютно. Наверное, поэтому все ощущали одинаковый дискомфорт при мысли о том, чтобы покинуть гостиную.

– Ты чувствуешь опасность? – с тревогой спросил Дима у Ксюши, инстинктивно проверив, легко ли из—за пояса вынимается револьвер.

– Не то чтобы, – невнятно ответила девушка, но тревоги в её глазах не стало меньше.

Понимая, что они еще долго могут вот так простоять, не решаясь сделать хотя бы шаг к выходу из гостиной, я решил их подтолкнуть и фыркнул пренебрежительно:

– Да что вы, в самом деле, как дети? И не в таких передрягах бывали. Это же просто старый дом.

– У старых домов есть свои истории, – пробормотала Ксения.

– Кто сказал, что они непременно должны быть зловещими? – я натянуто улыбнулся.

По непонятной причине мне тоже было не по себе. Вне зависимости от моего желания дом казался большим и главное разумным организмом, в недра которого мы попали по нелепой случайности. Грезилось, еще немного, и он поймет, что нас здесь быть не должно, что мы наглые оккупанты, и тогда дом сделает все возможное, чтобы от нас избавиться.

Понимая, что разговор зашел в тупик, я, захватив эхолокатор, направился к лестнице, ведущей на второй этаж, и произнес на ходу:

– Считайте, вам повезло. Я возьму на себя спальни, а вы пока осмотритесь здесь.

Деревянные ступени закрипели под ногами, а сзади раздалось два одинаково облегченных вздоха.

Второй этаж встретил меня... темнотой. Абсолютной, непроглядной и тягучей, как карамельная нуга. Запоздало вспомнив, что электричество наверх еще не успели провести, лениво подумал о том, чтобы сходить в машину за фонарем. Но спускаться не хотелось, поэтому я ограничился зажигалкой, которую выудил из кармана. Трепещущий огонек выхватил из мрака стену справа от меня и суровое, с нависшими бровями лицо. Я невольно вздрогнул и отпрянул назад. Этого мимолетного движения хватило, чтобы зажигалка погасла. Несколько секунд сердце билось в ритме кадрили, прежде чем мозг окончательно переварил информацию и осознал: это был обычный портрет на стене.

Немного успокоившись, снова чиркнул колесиком зажигалки и уже внимательнее осмотрел попавшие в круг света предметы. С левой стороны стояла пузатая тумба, на которой сбоку от вазы с искусственными, покрытыми налетом пыли цветами, с немалым удовольствием я заметил свечу в граненом стакане.

Наблюдая за тем, как пламя свечи медленно разгорается, я прислушивался к звукам второго этажа. Где—то над головой еле слышно подвывал запутавшийся в чердачных стенах ветер. Дом тихонько поскрипывал в такт его стенаниям, а порой тяжело вздыхал, словно тоскуя о своей былой юности. Странной энергетикой обладают старые дома. В них история так тесно переплетается с настоящим, что становится невозможно отделить одно от другого. Взять хотя бы этот портрет на стене. Кем был этот человек? Сколько десятков лет прошло с тех пор, как его не стало? Уже и память стерлась о нем, словно и не было его никогда, а дом все еще бережно хранит его образ. Страшно представить, сколько еще таких вот стертых, никому не нужных

воспоминаний ждут нас в закоулках особняка. Я вдруг отчетливо ощутил, что ступаю не по скрипучему полу из расшатавшихся досок, а в прямом смысле этого слова попираю ногами саму историю, и от этого мне стало неловко и вместе с тем любопытно.

Свет от пламени давал больше возможности для осмотра. Его отблески плясали на стенах, искажая и без того жуткие тени. Какая—то часть меня отчаянно желала вернуться в гостиную, где есть электричество и теплая печь и можно просто сидеть, ни о чем не думая, наслаждаясь чувством защищенности. Подавив в себе этот слабovolный порыв, я включил эхолокатор. Его размеренное потрескивание придало мне сил и вернуло уверенность.

Медленно вода прибором из стороны в сторону, зашел в первую комнату на моем пути. Всего пару часов назад я уже был здесь. Это оказалась спальня Ксюши, выделенная ей румяной поварихой. Помню, при свете солнца эта комната показалась мне даже милой. Сиреневые обои в мелкий цветочек, мебель из светлого дуба, огромное зеркало на стене, причудливо играющее солнечными бликами. Все это придавало комнате очарование и наталкивало на мысль, что изначально она предназначалась для маленькой девочки.

Но сейчас, когда ласковое солнце окончательно скрылось за чертой горизонта, комната неожиданно из милой превратилась в жуткую. Краски сгустились, тени уплотнились, даже зеркало выглядело не светлым озером, а черной дырой, скрывающей вход в грязные подвалы памяти.

Так одну за другой я прошел все комнаты второго этажа. Каждая из них произвела на меня двоякое впечатление. Я помнил их при дневном свете, но то, что предстало передо мной в дрожащем пламени свечи, было совершенно не похоже на увиденное ранее. Словно кто—то за этот короткий промежуток времени полностью изменил облик помещений, подсунув вместо некогда уютных комнат гротескно—отталкивающий клон. Ни единый раз за все время моего пребывания на втором этаже эхолокатор даже не пискнул. Возможно, в темноте спальни и казались ужасающим подобием подвалов и застенков, но в них точно не было ничего хоть сколько—нибудь сверхъестественного.

Наконец, я добрался до лестницы на чердак и остановился, испытывая неловкое стеснение, как будто мне предстояло войти в будуар к малознакомой женщине. Ведь если где—то в этом доме и есть тайник, полный секретов прошлого, то ему самое место на чердаке.

Дверь распахнулась с протяжным стоном, и свет выхватил неровные горы хлама, сваленного по углам. Ветер взвизгнул, ударил в лицо, пахнув запахом пыли и тлена. Если гостиная была сердцем дома, то здесь, на этом грязном, заваленном давно позабытыми и ненужными вещами чердаке, находился его мозг.

Не успел ступить во владения времени, как сзади раздался едва уловимый шорох. Я мгновенно напрягся, мышцы спины превратились в камень, а рука четко отлаженным движением скользнула под рубаху к припрятанному под ней револьверу. В этот момент ноздрей достиг едва уловимый, но от этого еще более сладостный аромат цветов шиповника.

– Уже второй раз за вечер ты подкрадываешься ко мне, – произнес я, не оборачиваясь.

– Значит ли это, что ты теряешь бдительность? – игриво поинтересовалась Эмми у меня за спиной.

Она подошла ко мне вплотную и, приподнявшись на носочки, с любопытством принялась осматривать чердак. Я ощущал идущее от неё тепло, отчего кровь вскипела, лоб покрылся легкой испариной, и мне мучительно захотелось поцеловать Амаранту.

– Даже не думай об этом, – огибая меня, сказала Эмми. Конечно, она без труда по участвовавшемуся сердцебиению и сбившемуся дыханию поняла, в каком направлении идут мои мысли. – Мы все—таки работаем.

Я поморщился, думая о том, когда это она успела стать такой деловой, но возразить было нечего. Амаранта между тем уже всю хозяйничала на чердаке. За какие—то считанные

минуты, она, подняв столбы пыли, забралась в самый дальний угол и теперь, фыркая и чихая, развила бурную деятельность по откапыванию какого—то древнего сундука.

– Помочь? – спросил я, встав так, чтобы свет падал на сундук.

– Нет уж, я сама.

Я не стал спорить или настаивать, зная, что в лучшем случае буду только мешаться под ногами. Это было немного странно и забавно – чувствовать себя слабым. Особенно если учесть, что я привык совершенно к другой роли. Моя собственная девушка – хрупкая и невысокая Белоснежка – могла в два счета свернуть мне шею голыми руками. А уж вытащить какой—то там сундук, доверху набитый различным барахлом (возможно, даже тяжелым), и вовсе не представляло для неё труда.

Я с затаенным восхищением, граничащим с завистью, следил за тем, как Эмми, ничуть не напрягаясь, подняла мотоцикл за переднее колесо и легко передвинула его в сторону, словно это не настоящий двухколесный тяжеловес, а подделка из папье—маше. Порой эта необузданная сила пугала. Вот и сейчас я ощутил, казалось бы, ничем не спровоцированную тревогу.

– С кем ты говорила на улице?

Эмми стояла спиной ко мне, но я заметил, как напряглись худенькие плечи, хотя работы по разгребанию мусора она не прервала.

– С чего ты взял, будто я с кем—то говорила? – спросила девушка беззаботно. Но за внешней раскованностью и непринужденностью голоса скрывалась еле различимая нотка досады.

– Мне показалось, что я слышал чей—то голос.

Медный таз с оглушительным звоном упал на пол, и сундук, наконец, получил долгожданную свободу. Схватившись за железное кольцо на крышке и отталкивая стройной ногой мешающиеся предметы, Амаранта вытянула ящик на середину чердака. Сколько же изящества и пластичности было в каждом её мимолетном движении! Точно она не тянула грязный, покрытый паутиной сундук, а делала изысканные па перед взыскательной публикой. Эмми вся дышала волшебной грацией, тягучей, елейной прелестью. Одна её тень, тонкой, рельефной полосой падающая на давно немывтый пол, была способна свести с ума.

– Ты прав, – не глядя на меня, прокомментировала Амаранта мои последние слова, – тебе показалось.

На секунду она оторвала взгляд от вожеленного сундука и посмотрела в мою сторону, будто пытаюсь угадать, поверил ли я. Улыбаясь как можно более очаровательно, я опустился на колени рядом с Амарантой. Она тут же расслаблено выдохнула, снова сосредоточившись на сундуке. Кажется, мне удалось убедить её в том, что инцидент исчерпан, и она почти сразу позабыла о неприятном разговоре. Жаль, что я не мог так же спокойно относиться к случившемуся. Что бы Эмми не говорила, сегодня на улице я совершенно точно слышал два голоса и, естественно, не собирался оставлять этот вопрос нерешенным. Если она не хочет сама сказать правду, придется выяснить её каким—нибудь другим способом.

С гулким грохотом крышка сундука откинулась назад, выставив на всеобщий обзор забитое бумагой нутро. Пожелтевшие страницы газет, ровные стопки рассыпающихся в труху писем, фотографии с изъеденными временем краями – вот сокровища, которые так бережно хранил старый сундук. Эмми запустила руки в этот ворох макулатуры, достала одну из стопок и положила себе на колени. Давно никем не тревожимая бумага зашелестела в её тонких пальчиках, распространяя вокруг запах чернил и плесени.

Мой маленький темноволосый ангел нахмурился, внимательно вчитываясь в строчки выбранного наугад письма. Уголки её полных губ слегка приподнялись в еле заметной улыбке. Моё сердце вдруг сжал непонятно откуда взявшийся страх. Глупая, нелепая и абсолютно невыносимая мысль прокралась в голову. Внезапно я четко представил, что станет со мной, если Амаранта покинет меня.

– Как интересно, – прошептала Эмми, протягивая мне письмо, которое только что прочла. – Смотри, это личная переписка первых хозяев особняка.

Заметив выражение моего лица, она удивленно заморгала.

– Что—то случилось?

– Ты бы смогла уйти? – спросил я, поддавшись внезапному порыву.

– Куда?

– От меня.

Эмми раздосадовано вздохнула.

– Что за глупый вопрос? Конечно же, нет.

– Я должен быть уверен.

– Мне что, поклясться на крови? – возмутилась Амаранта.

– Нет, – я помотал головой, – на крови не обязательно. Клятва перед Богом вполне сгодится.

Несколько секунд Амаранта пораженно изучала моё лицо, пытаясь отыскать в нем ответ, и, наконец, неуверенно спросила:

– Мне показалось или ты только что сделал мне предложение?

Осознавая неподходящую обстановку темного, сырого, покрыто пылью и паутиной чердака, я все же не мог остановиться.

– Если и так, ты бы согласилась?

– Ну уж нет, – Эмми недовольно сморщила носик. – Где мой ужин при свечах, приятная музыка, цветы, кольцо, в конце концов? Давай оставим пока этот разговор, – поспешно произнесла она, скрывая, как мне показалось, под маской романтической девушки более глубокие мотивы.

– Как скажешь, – я пожал плечами, в свою очередь за внешним спокойствием маскируя уязвленное самолюбие и массу плохих предчувствий.

Пробегая невидящим взором очередное письмо, думал о произошедшем между нами разговоре. Конечно, Амаранта не ответила полным и безоговорочным «нет», но я рассчитывал на другую реакцию с её стороны. Весь мой жизненный опыт подсказывал: когда делаешь любимой и главное любящей девушке предложение выйти замуж, она радостно соглашается. Разве нет? Что же в эти последнее несколько недель изменилось между нами, если Эмми перспективу брака со мной начала воспринимать так болезненно? Этот вопрос требовал немедленного решения, потому что я чувствовал: Амаранта ускользает от меня, как мираж тает в сумерках угасающего дня.

Глава 6. Дела давно минувших дней

В коридоре второго этажа послышались шаги и перешептывание. Судя по всему, это Дима и Ксюша, закончив со своей частью задания, отправились на мои поиски. Сквозь распахнутую дверь чердака я видел, как к нам приближается прыгающий луч света. Похоже, Димка в отличие от меня не поленился и все—таки сбегал за фонарем.

– Ну, вы куда пропали? – фигура брата угадывалась в дверном проеме где—то по ту сторону яркого светового пятна.

– Если не хочешь нас ослепить, лучше опусти фонарь, – попросил я, прикрывая глаза рукой.

Димка отвел фонарь в сторону, и я смог рассмотреть Ксюшу, притаившуюся у него за спиной.

– Как успехи? – косясь на сундук с письмами, поинтересовался брат.

– Эхолокатор ничего не показал, но зато мы нашли кучу бумажек, – я кинул очередное письмо в стопку прочитанных и потянулся, разминая затекшие мышцы.

– Значит, нам больше повезло, – улыбнулась Ксения. – Эхолокатор показал колебания магнитного фона у печи.

– Это там где стоят фотографии мертвых детей?

– Какие фотографии? – вскинула голову Эмми, которая пребывала в неведении относительно недавней находки.

Дима всего за пару секунд выложил ей все, что нам было известно. Амаранта внимательно выслушала, но от комментариев воздержалась. Прихватив непрочитанные письма, мы отправились на первый этаж. Но прежде, чем спуститься вниз, я тщательно запер чердак, повинувшись необъяснимому чувству тревоги. Пусть воспоминания и дальше пребывают там, где мы их обнаружили.

Движимые любопытством, мы собрались у печи. Фотографии выглядели вполне невинно. Даже дети, которые, как мы знали, давно умерли, казались всего—навсего милыми карапузами, но уж никак не кровавыми призраками, гуляющими по дому.

Эмми взяла фото в руки и внимательно взгляделась в лица некогда живших здесь людей.

– От чего умерли эти дети? – все еще изучая фотографию, спросила она.

– Кто его знает? – пожал плечами Димка.

– Значит, надо выяснить.

– Завтра же отправимся в городской архив. Думаю, там предостаточно информации об особняке, – вмешался я.

Амаранта осторожно, будто фото и в самом деле заключало в себе частицу этих несчастных ребятишек, поставила рамку с фотографией обратно на полку. Мы не спешили расходиться, даже несмотря на позднее время. Изображение странным образом приковывало наши взгляды. Я чувствовал, что просто не в состоянии от него оторваться.

– А это что? – бархатный голос Эмми вывел меня из транса. Посмотрев в ту сторону, куда она указывала, я увидел, что её заинтересовали куклы.

– Ерунда какая—то, – отмахнулся Дима, – еще одно порождение больного разума. Надо быть полным психом, чтобы создать такие игрушки.

Амаранта осторожно коснулась кончиком пальца щеки одной из кукол.

– Фарфор, – восхищено заключила она.

– Только не говори, что они тебе нравятся, – со смесью ужаса и отвращения произнес брат.

Эмми улыбнулась его словам, но не стала отвечать. Мне же почудилось, будто куклы действительно произвели на неё неизгладимое впечатление.

Ксюша зевнула, прикрыв рот рукой. Она выглядела уставшей и даже осунувшейся.

– Хватит на сегодня, – заявил я, видя, что Ксения засыпает на ходу. – Всем спать.

Пробираясь по темному коридору второго этажа в нашу с Эмми спальню, я ощущал, как беспокойство сжимает легкие в холодных тисках. Вроде бы паниковать было не из—за чего, но как не старался успокоить разыгравшиеся нервы, волнение не желало отпустить. Понемногу становилось понятно, почему хозяева особняка столь поспешно его покинули. Стоит признать, помимо неясных ощущений и беспочвенного страха в их рассказе не было ничего устрашающего. Честно говоря, я даже посчитал их очередной богатенькой супружеской парой, которой просто некуда девать деньги. Ну, наняли они охотников за привидениями, провели те несколько дней в их доме, зато потом можно хвастаться друзьям и знакомым, что купили дом с призраками. Если бы не предупреждение Антона, я бы не отнесся к этому делу серьезно.

Но как только мы переступили порог особняка, мой скептицизм растворился без следа. Солнечные блики, играющие на стенах гостиной, не обманули, я нутром чуял мрак, затаившийся в углах комнат и коридоров. И теперь, шагая в неверном свете фонаря по второму этажу и вслушиваясь в судорожные всхлипы старого дома, я чувствовал – быть беде.

Наша с Эмми спальня оказалась просто огромной. Должно быть, это комната хозяев. Широкая кровать возвышалась на помосте, по её краям до самого пола спускался полупрозрачный балдахин, скрывая поистине королевское ложе от любопытных глаз.

– Просто комната для новобранцев, – усмехнулась Амаранта. Но её улыбка тут же угасла, как только она взглянула на меня. Видимо, девушка вспомнила о моем недавнем предложении. В воздухе повисло неловкое молчание, и я, как последний трус, поспешил ретироваться в ванную.

Кое—как пристроив фонарик на тумбу напротив умывальника, повернул кран с горячей водой. В ответ раздался заунывный скрежет труб. С холодной водой повезло немного больше. Через пару секунд ожидания из крана полилась мутная светло—коричневая жидкость, пахнувшая болотной тиной и ржавчиной.

– Прекрасно, – зло пробормотал я, наблюдая за тем, как струйка грязной воды исчезает в водостоке. Похоже, хозяева не успели провести не только электричество, с водопроводом тоже явные проблемы.

Стараясь не дышать глубоко, я, преодолевая отвращение, умылся, как только струя воды посветлела. Само собой, о душе не могло быть и речи. Проклиная все старые дома в мире и этот особняк в частности, вернулся в комнату в плохом настроении. Стоило взгляду упасть на Эмми, стоящую возле окна, и я разозлился еще больше.

Её постоянные отлучки, секреты, недомолвки начали серьезно раздражать. Наметанный глаз охотника видел – с ней что—то происходит. Что—то такое, что она не может или не хочет разделить со мной.

Из—за стены послышался сдавленный смех Ксении. За последнее время они очень сблизились с Димой. Ксюша даже начала перенимать Димину манеру говорить и вести себя. Не могу сказать, чтобы это было так уж здорово (еще один вечный оптимист, ищущий приключений на свою пятую точку – это уже перебор), но я искренне радовался её счастью. Улыбка Ксюши помогала моей совести прийти в равновесие.

– Кажется, им весело, – Амаранта обернулась ко мне.

Серебристый свет луны обтекал стройную фигуру, отчего чудилось, будто она вся светится. Я вспомнил, что так и есть на самом деле: вампиры излучают мерцающий белый свет. Но человеческий глаз не в состоянии уловить его сияние. Я вдруг почувствовал себя уязвимым, словно люди – это всего лишь низшее звено пищевой цепочки. Я был как паломник у ног прекрасного идола. Возможно, в другой раз я бы трепетал от этой мысли, но сейчас она лишь сыграла роль еще одного сухого полена в огне моей ярости.

– Что с тобой? – Эмми настороженно оглядела меня. Должно быть, её вампирский лока-тор уловил перемены в моем настроении.

– Просто устал, – выдавил я, изо всех стараясь, чтобы голос звучал нормально. Ссориться совершенно не хотелось. Тем более я был уверен, что это ни к чему не приведет. Амаранта не выдаст свой секрет. Значит, придется раскрыть его самостоятельно.

Стянув одежду, я повалился на постель. Матрас был просто великолепен. Особенно это ощущалось после продавленного дивана, на котором мне приходилось спать до сегодняшней ночи. Я понял, что в кой—то веки выплусь.

Эмми осторожно пристроилось рядом. Поджав ноги и положив руку под голову, она внимательно исследовала моё лицо. Я упорно продолжал смотреть на полог кровати, всем видом демонстрируя отчуждение. За последние несколько дней она мне все нервы измотала своим странным поведением, пусть теперь помучается, думал я мстительно, отворачиваясь от девушки на другой бок.

Амаранта выдержала недолго и уже через пару секунд прильнула к моей спине, ласкаясь как провинившийся котенок. Она нежно, словно боясь, что я её оттолкну, коснулась губами моего виска, щеки, шеи. Девичья рука скользнула мне на грудь и остановилась в области сердца. Уверен, Эмми отсчитывала его удары, пытаясь таким образом удостовериться, что я правильно реагирую на её поцелуи.

Осторожно обхватив запястье Амаранты, я убрал её руку и отодвинулся к краю кровати.

– Спокойной ночи, – мой голос, полный затаенной обиды, разрезал ночную тишину.

Амаранта застыла на несколько секунд, а потом переместилась на свою половину постели.

– Приятных снов, – в тон отозвалась она.

Утреннее солнце настойчиво вторглось в мой сон. Но еще до того, как его первые лучи пробрались под полог кровати, несмолкающее щебетание птиц, врывающееся в комнату через распахнутое настежь окно, сделало своё дело. Заметив отсутствие Амаранты, я даже не удивился, а скорее вздохнул с облегчением. Еще одного выяснения отношений я бы не вынес.

Ржавая вода произвела на меня этим утром куда меньше впечатления. Ко всему можно привыкнуть. Даже к рукам, пахнущим старыми трубами. Из зеркала на меня глядел угрюмый субъект: каштановые волосы торчат после сна в разные стороны, карие глаза смотрят сурово из—под нахмуренных бровей, а поджатые губы говорят о недовольстве жизнью. С другой стороны, чему мне радоваться? Денег нет совсем, и это при том, что на моей шее сидит брат со своей девушкой. Хорошо хоть Амаранта в состоянии сама о себе позаботиться.

Я спустился на первый этаж и нашел остальных на кухне. В отличие от меня они выглядели вполне счастливыми. Дима с Ксюшей ворковали как голубки. Ночь словно забрала с собой все их тревоги и печали, с тем чтобы вернуть их вновь лишь с заходом солнца. Даже сквозь плотно закрытые шторы на кухне чувствовалось благотворное влияние утра.

– Доброе утро, соня, – движения Эмми были легкими и непринужденными. Она как бабочка порхнула мне навстречу и осторожно поцеловала в небритую щеку. Отступив на шаг, Амаранта заискивающе заглянула мне в глаза, ища там подтверждение тому, что она прощена. Она пыталась быть милой и приветливой, но меня её поведение еще больше насторожило. На память неожиданно пришла аналогия с провинившимся супругом, делающим подарки, чтобы успокоить собственную совесть и бдительность второй половины.

– Что на завтрак? – спросил я, игнорируя порыв Эмми.

Через час мы тряслись по проселочной дороге в сторону областного центра. Из—за жары в машине нечем было дышать. Липкая испарина покрывала лоб, футболка намертво прилипла к спине. Справа от меня сидел Димка. Он тоже маялся от зноя. Даже открытые настежь окна не спасали от адского пекла.

– Убил бы за кондиционер, – вяло пробормотал брат, подставляя лицо под струи теплого воздуха, врывающегося в салон автомобиля. В такую жару у него не осталось сил на полноценное возмущение.

– Документы в архиве хранятся при определенной температуре, – откликнулась Ксюша с заднего сиденья. – Там всегда прохладно, – мечтательно добавила она.

– Никогда не думал, что скажу это, но я хочу поскорее оказаться в архиве.

Я усмехнулся словам Димы. Работа с документами – последнее дело, которое могло вызвать у него прилив энтузиазма. К тому моменту, как мы добрались до дверей государственного архива, одна лишь Эмми все еще была свежа. Мы же напоминали подтаявший на солнце пломбир. Такой же расплывшийся и бесформенный.

Амаранта первой зашла в прохладный холл и тут же освободилась от пальто с перчатками, оставшись в одном коротком платье. Тряхнув головой, она позволила тяжелым и черным как ночь волосам рассыпаться по плечам. Взгляд васильковых глаз скользнул по длинному коридору в поисках работников архива.

– Лучше не вмешивайся, – остудил я пыл девушки. Амаранта удивленно посмотрела на меня, но спорить не стала. Она привыкла, что её внешность всегда срабатывает в нашу пользу: большинство людей не в состоянии устоять перед очарованием вампира. Но когда речь идет о затерявшихся среди архивных документов, озлобленных низкой зарплатой и неудачной личной жизнью женщинах, Амаранте лучше не вмешиваться. Здесь вступаем мы с Димой.

В этот раз пришлось потратить уйму времени и почти весь запас нашего обаяния, чтобы уговорить одну такую особу допустить нас к необходимым материалам. Нам попался на удивление стойкий экземпляр работницы архива. В итоге мы сошлись на том, что она подберет для нас выпуски газет, где встречаются упоминания об особняке. Пояснив, что на это потребуется некоторое время, женщина выставила нас из архива и попросила вернуться через пару часиков.

Тяжелая железная дверь хлопнула за нашими спинами, и мы остановились на пороге в нерешительности.

– Айда в кафе, – предложил Дима, указывая на разноцветную вывеску на противоположной стороне дороги.

Мы заняли места за дальним столиком от огромного во всю стену окна, заказали прохладительные напитки и приготовились ждать. Время в пропахшем жареными котлетами и укусом помещении тянулось особенно медленно. Сонные от жары мухи апатично летали под потолком, то и дело попадая в капкан клейкой ленты. Мы как две капли воды походили на этих мух: такие же безучастные и флегматичные, словно увязшие в ленте—ловушке.

Когда подошло назначенное время, мы вздохнули с облегчением. Больше не было нужды сидеть в этой душной забегаловке и через силу поддерживать никому не интересный разговор.

Воздух в архиве действительно кондиционировался. Он приятно охлаждал кожу и даже вернул мне утерянную способность мыслить. Заполучив в распоряжение огромные кипы газетной макулатуры, мы с головой ушли в их просмотр. Шелест старой, пожелтевшей бумаги наполнил помещение, а вместе с ним разнеслись запахи пыли и пропитки от сырости.

Довольно быстро нам удалось найти первое упоминание об особняке. Дворянин Гладков, построивший дом в 1875 году, пользовался немалым уважением в округе. Он являлся владельцем процветающего завода и известным меценатом. Мы также нашли в газете одну из тех фотографий, что стояла на печной полке. На ней было изображено семейство Гладковых. Под фото значился 1881 год.

Дальше периодически попадались статьи о процветающем семействе, о развитии предприятия, о бескорыстии и щедрости хозяина особняка. И все в том же духе вплоть до 1886 года. Огромный заголовок на первой полосе оповещал о раскрытии убийства, к которому оказался причастен младший брат мецената Гладкова. Судя по всему, дело было громким. В результате

расследования Гладкова—младшего признали виновным в убийстве молоденькой дворянки и казнили.

– Вот он, наш не упокоившийся, – уверенно заявил Дмитрий. – Неестественная смерть плюс нечистая совесть равно злобный призрак.

– Почему бы и нет, – охотно согласился я. Теория брата выглядела вполне жизнеспособной. – Надо узнать, где его похоронили.

– Я бы все—таки хотела выяснить, отчего умерли те дети, – вмешалась Эмми. – Это может быть важно.

Пролистывая газеты, мы отыскивали упоминание о погибших малютках. Здесь нас ждало разочарование: причиной смерти значилась банальная чахотка. Правда, была еще приписка о том, что их мать повредила умом. Ничего удивительного я в этом не видел. Несчастливая женщина за каких—то пару дней лишилась всех своих детей. Но умерла она гораздо позже в возрасте шестидесяти лет, и ничего криминального в её кончине не было. Так как наследников у Гладкова не оказалось, дом после его смерти отошел кузену. Вот тут—то и начиналось самое интересное. Газеты пестрели сообщениями о несчастных случаях, происходивших в особняке. Люди гибли по самым различным причинам. Особенно высока смертность была среди молодежи.

– Смотрите, еще одна девушка погибла, – Ксюша продемонстрировала нам найденную статью. – Дочь местного крестьянина. Всего двенадцать лет.

– Подходит под типаж, – самодовольно улыбнулся Дима. – Осужденный Сергей Гладков как раз интересовался маленькими девочками.

– Но за год до этого погиб конюх, – напомнила Ксюша. – А он не тянет на нимфетку.

– Может, поблизости никого другого не нашлось, – отмахнулся Димка. – К тому же иногда люди погибают без всякой на то причины, и это не имеет никакого отношения к потустороннему.

– Конечно, лошади просто взбесились и затоптали беднягу насмерть, – недоверчиво фыркнула девушка.

Дима уже открыл рот, чтобы возразить, но я остановил его жестом. Этот балаган пора заканчивать. На нас и так уже начали искоса поглядывать. Не хватало только, чтобы нас с позором выгнали из архива.

– Сергей – наш типаж. Это факт. Пререкаться тут не о чем. Тем более что других кандидатов у нас все равно нет, – я постарался задушить на корню назревающий спор.

И Дима, и Ксюша посмотрели на меня с плохо скрываемым раздражением. Похоже, им просто хотелось немного отвлечься.

В начале девятнадцатого века упоминания особняка почти полностью пропали с газетных страниц. Видимо, его попросту бросили, посчитав проклятым. Лишь после революции его перестроили под дачу и отдали какой—то местной шишке из партийных, но и он надолго не задержался в доме. Потеряв жену и дочь (конечно же, по вине злополучного особняка), он оставил пост, а вместе с ним и дачу. Дальше его след терялся. Дом переходил то к одному владельцу, то к другому, но людей в его стенах ждали лишь смерть и разочарование.

Архив дал нам все, что мог. Покинув его прохладные коридоры, мы отправились обратно. Тем более что на дворе уже начали сгущаться сумерки.

– Какое ужасное место, – прошептала Эмми, когда мы подъехали к воротам особняка. – Столько смертей. Страшно представить, какая черная аура здесь царит.

– Да уж, восемнадцать человек полегло, – Дима поежился. – Как представлю, что все они бродят неприкаянными где—то поблизости, так хоть в лесу ночуй.

– С каких пор ты стал бояться привидений? – я покосился на брата, расположившегося на пассажирском сиденье.

– Я боюсь не призраков, а их количества.

– Судя по замерам магнитного поля, призраков в доме раз-два и обчелся, – вмешалась Ксюша. – К тому же такое большее скопление паранормального я бы почувствовала за версту.

– Вот и славно, – расслабился я. – Нам и одного призрака вполне хватит.

Я припарковал машину под дубом, заменяющим ей навес, и выбрался из душного салона, но свежести так и не почувствовал. Земля успела прогреться за долгий, знойный день и теперь щедро отдавала тепло.

– Когда уже кончится это бабье лето? – проворчал брат. – Что—то я не припомню такой жаркой осени.

– Всё когда—то случается впервые, – я пожал плечами и направился в дом.

Глава 7. Ночная прогулка

Дом встретил нас гробовой тишиной, и это напрягало. Мы уже привыкли к постоянным порохам, доносящимся из каждого угла. Говорят, старые дома живут по своим законам. Здесь это особенно чувствовалось. Особняк дышал, его сердце билось в такт скрипу половиц. И вдруг полная тишина. Дом точно оцепенел, как хищный зверь перед броском. Роль жертвы в этом случае отводилась нам.

– Господи, хорошо—то как! – брат потянулся, подняв руки над головой. – Даже не верится, что здесь может быть так спокойно.

В отличие от меня Дима обрадовался внезапно свалившейся на нас тишине. Не успел он насладиться, как идиллию нарушил звук ревущего мотора. От неожиданности мы вздрогнули и, не сговариваясь, побежали к воротам. Особняк был единственным строением на несколько километров вокруг, и к нему вела отдельная дорога. Вряд ли бы кто—нибудь разъезжал здесь просто так из праздного любопытства. Кто бы ни сидел за рулем старого «Жигули», показавшегося из—за поворота, он направлялся к нам.

Уже через пару минут наше любопытство было полностью удовлетворено. С удивлением и радостью я узнал в водителе Антона. Он лихо припарковался у ворот и вышел к нам. На его лице сияла улыбка, но она не скрывала тревогу в темных глазах охотника.

– Рад снова вас видеть! – воскликнул Антон, протягивая руку для приветствия. Мне почему—то так и хотелось добавить к его словам «видеть в добром здравии». Уверен, именно это он и имел в виду, только почему—то решил не заканчивать свою мысль.

– Чем обязаны? Или это просто визит вежливости? – спросил я настороженно. Остальные молчали, чувствуя неловкость от этой внезапной наигранно—радостной встречи.

– Да так, просто проезжал мимо. Решил заскочить, проверить, все ли у вас в порядке.

Я внимательно посмотрел на дорогу, один конец которой упирался в ворота особняка, а второй вел в город, откуда прибыл Антон. Этот взгляд красноречивее любых слов должен был намекнуть гостю о зародившихся у меня сомнениях. Здесь просто больше некуда было ехать.

– Ладно, – вздохнул Антон, видя мое недоверие. – Я хотел убедиться, что вы живы и здоровы.

– Убедился? – я засунул руки в карманы джинсов, демонстрируя своё недружелюбие. Хоть убейте, не знаю, почему вдруг старый товарищ отца начал казаться мне малоприятным человеком. По всем правилам я должен был благодарить его за подкинутое дело и возможность заработать. Но шестое чувство упорно твердило: «будь осторожен».

– Что ж, – усмехнулся гость, – раз у вас все хорошо, я, пожалуй, поеду. Дела не ждут.

Антон уехал так же быстро, как и появился. «Жигули» поглотил лес, а вскоре стих и шум мотора.

– Странный это был визит, – задумчиво произнесла Ксюша.

– Он выглядел так, будто ожидал увидеть здесь четыре трупа, а не живых людей, – Амаранта все еще не сводила глаз с дороги.

– Да ну, – Дима отмахнулся от тяжелых мыслей, как делал уже не раз. – Он же сказал, что всего лишь волновался за нас. Вечно вам заговоры какие—то мерещатся. Семья параноиков, честное слово. Отделение интенсивной терапии в психбольнице.

Брат развернулся и пружинящей походкой направился к дому, всем своим видом демонстрируя, как он нами недоволен. Гораздо проще жить, считая, что мир полон любви и сострадания, что люди готовы прийти к тебе на помощь в любой момент. Но чаще всего это лишь иллюзия. Мне легче поверить в предательство, чем в бескорыстные помыслы и поступки. Самое обидное, что я часто бываю прав.

Но один положительный момент в приезде Антона все—таки был: в окружающий мир снова вернулись звуки. Они как тараканы выползли из углов и наполнили дом. Никогда еще стон половиц под ногами не звучал так чарующе.

Ужин проходил в непринужденной обстановке. Впереди маячила перспектива закончить дело, а значит, обещанное денежное вознаграждение на днях должно было перейти в наши жаждущие руки. Это отразилось на общем настроении. Мы вели себя так, будто выиграли миллион и за дверью особняка нас ждал белый лимузин.

– Какие у нас планы на завтра? – не дожевав бутерброд, прочавкал Дима.

– Будем копать, – я сделал глоток ароматного чая и ответил. – В одной из газет я прочел, что где—то поблизости находится церковь с кладбищем. Там похоронен Сергей.

– Семейный склеп? – с ноткой восхищения протянула Ксюша.

– Думаю, да, – я настороженно посмотрел на девушку. Вот уж не подозревал, что она так интересуется покойниками.

– А ты знаешь, где именно находится кладбище? – Амаранта не принимала участия в нашем ужине по причине полного равнодушия к обычной пище. Мы собрались за круглым столом в гостиной, она же сидела на диване, глядя в темноту, сгущающуюся за окном.

– Где—то тут, – я неопределенно махнул рукой, так как конкретного ответа дать не мог. В статье, на которую ссылался, говорилось про отпевание в церкви, построенной на деньги Гладкова. Было очевидно, что она стоит где—то неподалеку от дома. Но за прошедшие годы многое изменилось. Лес разросся и наверняка похоронил под собой и церковь, и кладбище. Я понятия не имел, в каком направлении нужно искать.

– Пожалуй, сегодня ночью я прогуляюсь, – заявила Эмми. Она подчеркнуто медленно встала, будто давая мне возможность остановить её. Сам не знаю почему, но я не стал этого делать. – Заодно поищу церковь, – оправдываясь, добавила она.

– Конечно, – сухо кивнул я.

Амаранта задержала взгляд на мне. Её губы слегка приоткрылись, как если бы она собиралась что—то сказать, но вместо этого Эмми лишь кротко улыбнулась и вышла на веранду. Грустная эта получилась улыбка, но я и не думал чувствовать себя виноватым. В конце концов, моя совесть чиста, а вот с её что—то явно не в порядке.

– У вас все в норме? – наклонившись ко мне, шепотом спросил Дима, пока Ксюша выносила грязную посуду на кухню.

– А разве есть причины для сомнений?

Дима смущенно отодвинулся.

– Да, нет. Наверное, мне показалось.

Я встал из—за стола, избегая этого неприятного разговора. Вряд ли брат в состоянии мне чем—то помочь, а смаковать и без того сложную ситуацию наших с Эмми отношений не хотелось. Так уж я устроен: разговоры и жалобы не для меня. Своими переживаниями с детства я привык делиться только с одним человеком – с самим собой.

Весь вечер я безрезультатно боролся с искушением проследить за тем, куда же направилась Амаранта. Мои ангел и демон пререкались часа два, пока один из них не одержал полную и безоговорочную победу. Так уж получилось, что в победители вышла темная половина.

Как только все разошлись по своим комнатам, а Эмми ускользнула в ночь, притаившуюся за окнами особняка, я направился за ней. Следить за вампиром это, должен вам сказать, нечто. Изображая из себя ниндзя, крался вслед за собственной девушкой. Интересно, почему я был так уверен, что у меня непременно все получится? Конечно же, я потерял Амаранту из виду, как только она вышла за ворота. Её белое платье промелькнуло среди деревьев и тут же затерялось в гуще леса. Я остался один, к тому же в полной темноте. Но отступать не в моей натуре.

Довольно долго блуждал по лесу, пока, наконец, не пришло время признать, что я окончательно и бесповоротно заблудился. С какой стороны не глянь – всюду деревья, похожие друг

на друга как братья-близнецы. Помнится, в школе на уроках ОБЖ нас учили определять, где север по тому, с какой стороны растет мох на деревьях. В реальной жизни мху было плевать на Программу Среднего Образования в школах России – он опоясывал толстые стволы со всех сторон.

Задрав голову, увидел высоко в темном небе круглый диск луны. Полнолуние, тоскливо отметил про себя. Оставалось надеяться, что в этом лесу не водятся оборотни. Как—то внезапно и неотвратимо пришло понимание того, что самому мне отсюда не выбраться. Разве что восход сможет облегчить задачу. Ночью найти дорогу назад и мечтать не стоит.

Мысленно отругав себя за глупость, я оглянулся в поисках удобного места, где можно было бы присесть, а еще лучше сразу прилечь. На глаза попался уютный с виду пенек. Подойдя к нему, с удивлением увидел: то, что я принял за пенек, при ближайшем рассмотрении оказалось куском гранита, вросшем в землю и покрытым сверху толстым слоем все того же злополучного мха. Я достал из кармана носовой платок и немного очистил гранит. К тому времени глаза уже привыкли к темноте. Пусть я ориентировался в ночной тьме гораздо хуже Амаранты, но моего скудного зрения хватило, чтобы рассмотреть на куске камня затертую временем надпись. Разобрать текст было невозможно, но и без этого я догадался, что плита является чьим—то надгробием.

Я внимательно пригляделся к выступающим тут и там кочкам, разворошил листву и окончательно убедился, что нахожусь на старом кладбище. Где—то неподалеку должны быть остатки церкви и фамильный склеп Гладковых. Так как заблудиться еще больше было в принципе невозможно, я решил отправиться на их поиски.

Двигаясь кругами, вскоре наткнулся на остатки фундамента. Судя по его размерам, это была та самая церковь. От несчастной сохранилось не так уж много. Вероятно, стены у неё были деревянными. Под воздействием времени и сырости большинство перекрытий сгнило. Сейчас все, что некогда—то являлось церковью, бесполезной грудой искромсанный древесины лежало у моих ног. Сквозь треснувший фундамент проросли молодые березки. За долгие годы их стволы успели окрепнуть и превратиться в полноценную часть леса. Очертания поляны, на которой располагались церковь и кладбище, практически стерлись. Повезет, если склеп сохранился.

Побродив по округе еще с полчаса, я не только не нашел хоть какого—то намека на склеп, но и окончательно потерял церковь. Раздосадованный своей неудачей, направился к первому попавшемуся холмику и с размаху повалился на него, намереваясь скоротать здесь остаток ночи. Эффект, вызванный моим необдуманным поступком, был, мягко говоря, неожиданным. Ну откуда мне было знать, что каждая кочка в этом проклятом лесу вовсе не то, чем кажется на первый взгляд?

Холм дрогнул под напором моего веса, и земля в прямом смысле разверзлась, открывая путь к неизведанным глубинам подземного мира. Внезапно я, как самая настоящая Алиса из Зазеркалья, полетел в кроличью нору. Слава Богу, она была не такой глубокой. В этом смысле мне повезло больше, чем девочке из сказки. С грохотом я приземлился на непередаваемо жесткий пол. Всю спину от копчика до последнего шейного позвонка пронзила острая боль. Лишь спустя пару минут я немного оклемался и, кряхтя как старик, с трудом сел, а потом встал на ноги.

Не считая небольшого светлого пятна над головой, кругом стояла непроглядная темень. Лунного света, проникающего через отверстие на потолке, было недостаточно даже для того, чтобы хоть как—то ориентироваться. Порывшись в карманах джинсов, выудил зажигалку, которую всегда носил с собой. Нечисть боится огня, и порой даже такой небольшой его источник может спасти жизнь. Чиркнуло колесико, и, наконец, появилась возможность осмотреться. Я стоял посреди обширного помещения. Потолок находился в паре метров над головой. О том, чтобы добраться до него, не могло быть и речи. Пол, как и стены, был выложен из грубо от-

санного камня. Покореженный, растрескавшийся, с зияющими дырами, он походил на волнующееся во время непогоды море.

Зажигалка обожгла пальцы и погасла с чувством выполненного долга. Пока она остывала и восстанавливала силы, я на ощупь прошел вперед. Двигаться приходилось медленно и крайне осторожно. Впервые в жизни я по—настоящему прочувствовал, что значит быть слепым как крот. Пару раз оступился, споткнувшись обо что—то на полу, но лишь после того, как чуть не сорвался в яму, решил, что разумнее будет подождать, пока зажигалка снова заработает.

Как только слабый огонек прорезал темноту, я увидел прямо перед собой на невысоком постаменте темно—коричневый гроб. Крышка от сырости потрескалась. Казалось, коснись её рукой, и она превратится в труху. Что ж, сегодня мои желания имели тенденцию сбываться. Пусть и не совсем так, как хотелось бы. Я совершенно точно попал в склеп. Но вот в чей именно — это вопрос.

Осмотрев гроб со всех сторон, я не без труда нашел затертую надпись и, присмотревшись, прочитал: «Глафира Степановна Гладкова». Собственно, даже неважно, кем была эта дамочка при жизни. Главное её фамилия. По всему выходило, что это склеп семьи Гладковых. Так основательно мне давно не везло.

Не успел подумать про везение, как зажигалка снова потухла и на этот раз, похоже, навсегда. Сколько не крутил колесико, проку не было. Видимо, закончился газ. Двигаться в такой темноте было небезопасно, выбраться самостоятельно нереально. Оставалось только ждать помощи. Но искать меня начнут не раньше утра. Да и найдут ли? Вот в чем проблема.

Глава 8. Среди костей и тлена

Я проснулся от ощущения сухости во рту. Все тело ломило, будто спал на острых камнях. Продрав глаза и окончательно придя в себя, убедился, что так оно и есть. Я заснул прямо на том месте, где погасла зажигалка, в непосредственной близости от гроба. Первым делом я поприветствовал Глафиру Степановну (как—никак мы провели эту ночь вместе) и размял затекшие конечности.

Солнце уже встало. Его света было достаточно, чтобы ориентироваться в сыром склепе. Не знаю, каким образом все это добро очутилось под землей, но, учитывая это обстоятельство, сохранность усыпальницы поражала. Стены с полом хоть и были покрыты множеством трещин и сколов, все еще несли на себе отпечаток бывшего величия. Кое—где на стенах сквозь пыль и мох проглядывали смазанные изображения. Большинство гробов все так же возвышались на своих постаментах, как в тот день, когда их сюда поставили. Правда некоторые не избежали внешнего воздействия и теперь валялись на каменном полу склепа, распахнутые и оскверненные. Рядом с оскалившимися пастями пустых гробов вперемешку с увядшими листьями лежали человеческие кости. Такие же пожухлые, отслужившие свой век, как и опавшая лесная крона.

Во всем этом великолепии смерти не было одной единственной вещи – выхода наружу. В голову пришла шальная мысль: а что если поставить гробы один на другой и по ним вскарабкаться наверх? Но желудок тут же отверг этот план. Послonyaвшись по склепу и испробовав все возможные способы побега из его гостеприимных стен, я убедился, что без помощи мне не обойтись.

Ничего другого не оставалось, как примоститься на одном из пустующих постаментов. Его бывший хозяин был равномерно распределен по полу и вряд ли бы стал возражать. Улёгшись на спину, я прикрыл глаза. Перед внутренним взором тут же возник прохладный, соблазнительно запотевший кувшин, до краев наполненный родниковой водой. От этой дивной грезы засосало под ложечкой и наворачнулись слезы. Честное слово, убил бы за глоток воды!

Вдруг в памяти всплыла Амаранта. Одновременно с мыслью о ней пришла злость. Это по её милости я теперь вынужден прохладиться в этом чертовом склепе! Внутренний голос мягко напомнил, что Эмми не виновата в моем собственном безрассудстве (ведь это просто верх гениальности отправиться ночью в незнакомый лес!), но я проигнорировал это замечание. Не хватало только признаться, что сам повинен в своих бедах. И без того настроение хуже некуда.

Не знаю, как долго я так пролежал, мечтая о воде и злясь на весь мир. Мне показалось, что вечность. Судя по теням на стенах склепа, солнце перевалило через зенит и начало клониться к закату. Вместе с подступающими сумерками пришло плохое предчувствие, постепенно переросшее в пугающую уверенность. А что если меня не найдут? С каждой минутой это простая мысль росла и ширилась в голове, как пузырь из жвачки, пока не заняла собой все пространство.

Именно в момент наибольшего отчаянья, когда я уже начал присматривать для себя гроб посохраннее, чтобы почить в нем с миром, сверху донесли голоса.

– Что если он отправился в город? – пролепетал неуверенный девичий сопрано. – Мы уже целый день блуждаем по этому лесу и все без толку.

– Он что же, по—твоему, пешком туда пошел? – этот ехидный голос я бы узнал из тысячи. Прямо над моей головой беседовали Дима и Ксения.

Вскочив на ноги, да так проворно, что закружилась голова, я что есть силы закричал. Голос звучал хрипло, но все же достаточно громко, чтобы меня услышали.

– Обалдеть, – светловолосая голова брата появилась в отверстии на потолке. – Ты что там делаешь?

– Развлекаюсь с новыми друзьями, – ответил я мрачно, кивнув в сторону одного из более —менее сохранившихся скелетов.

Димка хмыкнул и скрылся из виду, но уже через секунду в проеме показалась точеная фигура в черном пальто. Легко соскользнув вниз, Амаранта приземлилась в паре шагов от меня. Её прыжок был столь аккуратен и изящен, что даже пыль не поднялась.

– Привет, – снимая капюшон, произнесла она. Это прозвучало так естественно, что вся моя злость мигом улетучилась. Эмми протянула мне бутылку воды. Это только поспособствовало возрастанию её рейтинга.

Пока я жадно, давясь и отплеываясь, опустошал бутылку с минералкой, мои спасители решали, как лучше поднять меня наверх. В итоге они единогласно постановили, что без веревки не обойтись. Разумеется, никто не догадался захватить её с собой. Спрашивается, куда они вообще направлялись: человека спасти или по ягоды?

Амаранта вызвалась остаться со мной, чтобы я не скучал, а Дима с Ксюшей отправились в обратный путь за веревкой.

– Ты уверена, что они не заблудятся? – я снова лег на импровизированное ложе.

– Все будет в порядке. Мы внимательно следили за дорогой по пути сюда.

Эмми пристроилась на край каменного постамента у меня в ногах.

– Значит, это и есть тот самый склеп, что нам нужен?

– Думаю, да.

– Но почему ты отправился искать его ночью? К тому же в одиночку?

Вопрос прозвучал абсолютно невинно. Более того, посмотрев на Амаранту, я увидел, что она с унылым видом разглядывает стены усыпальницы. Но было что—то такое в её позе и манере держаться, что заставило меня заподозрить второе дно под этой маской равнодушия и скуки.

– Бессонница, – произнес я первое, что пришло на ум.

–Ах, вот оно что.

Мы замолчали. В воздухе повисла неловкая пауза. Чувствовалось: нам обоим есть, что сказать.

Первой не выдержала Эмми. Она повернулась ко мне и с вызовом спросила:

– Ты следил за мной?

От неожиданности я потерял дар речи. Выходит, она знала, что я иду следом, и позволила мне заблудиться. Можно сказать, она собственными руками загнала меня в эту ловушку.

– Ты была в курсе?

– Разумеется, – фыркнула Амаранта. – Думаешь, ломаясь через лес, как стада бешеных слонов, ты можешь остаться незамеченным?

– И ты бросила меня посреди чащи?! – от негодования у меня перехватило дыхание.

– То, что ты называешь чащей, на самом деле роща неподалеку от особняка. Не моя вина, что ты ухитрился заплутать в трех соснах и окончательно потеряться. Да так, что мы тебя полдня найти не могли.

Возразить оказалось нечего, но от этого мой уровень желчи только поднялся.

– Если бы ты не пропадала по ночам неизвестно где, мне бы вообще не пришлось тащиться в лес!

– Опомнись, я же вампир, – Эмми выглядела крайне возмущенной. – Мне надо периодически что—то есть. Ты же не хочешь стать частью моего рациона?

– Ты охотилась этой ночью? – поинтересовался я, немного остывая.

– Да, но неудачно.

– И нет никакой причины, по которой мне следовало бы волноваться?

– О чем ты? – Эмми выглядела искренне изумленной. – Откуда эта беспочвенная ревность?

Одним молниеносным движением она придвинулась ко мне, улеглась рядом, положив голову мне на грудь, и прошептала:

– Есть только ты. Все остальное неважно.

И я поверил. Видит Бог, в эту минуту я доверял ей безоговорочно. Если бы кто—то попытался представить мне доказательства её обмана, я бы рассмеялся ему в лицо. Моя Эмми не станет мне врать. Никогда. Правда же?

– Ну что, готовы выбраться на волю? – над головой раздался голос Димы. Судя по тому времени, которое они с Ксюшей затратили на поход к особняку и обратно, Эмми сказала правду: мы находились всего в нескольких шагах от дома.

Толстая веревка змеей свесилась с потолка.

– А как же кости Сергея? – Ксюша наклонилась к отверстию. – Влад, ты нашел его захоронение?

Я осмотрелся вокруг. Пришлось признать очевидное – отыскать в груде разбросанных по полу костей и раздолбанных гробов единственно нужные будет не просто.

– Не совсем.

– Да и Бог с ним, – беспечно отмахнулся Дима. – Лучше обвяжи веревку вокруг талии.

– Как это Бог с ним? – возмутилась Ксения. – После того, что творилось этой ночью в доме, я туда не вернусь, пока не буду уверена, что призрак упокоился с миром.

Я с любопытством вслушивался в слова девушки. Похоже, не у меня одного была веселая ночка. Вот выберусь и спрошу их подробнее, что же там произошло.

– Никто не собирается оставлять все как есть, – миролюбиво пояснил брат. – Сожжем весь склеп целиком, и дело с концом. А то еще искать чей—то гроб. Больно много чести. Ну, ты как там, готов? – обращаясь уже ко мне, крикнул он.

С помощью веревки и не смолкающей ругани Димы, меня все—таки вызволили из склепа. Амаранта справилась с задачей намного лучше и главное изящнее. Пока я болтался как рыба на крючке, ей понадобилось всего несколько ловких и филигранных движений, чтобы взмыть под потолок и выбраться наружу. Впоследствии она даже помогла Диме тащить меня. Чувствуя себя ни на что не способной обузой, я хмуро раскачивался из стороны в сторону, пока меня поднимали наверх.

Наконец, наступила долгожданная свобода. Свежий ветерок ласково коснулся кожи, унося с собой спертый запах старого склепа. Вдоволь насладившись этим приятным ощущением, я оглянулся в поисках канистры с бензином и, конечно же, ничего не нашел.

– Ты ведь не захватил с собой бензин? – заранее зная ответ, спросил я у брата.

– Как—то не подумал, – Дима виновато развел руками.

– Тогда тебе и бежать за ним, и возьми сразу спички, чтобы еще раз не ходить. Ксюша, – окликнул я девушку, собравшуюся составить Димке компанию, – расскажи, что там у вас ночью произошло.

Ксения, вынужденная остаться, осторожно пристроилась на одном из надгробий подальше от зияющего чернотой провала в склеп.

– Ты выбрал самый подходящий момент для ночных прогулок. В доме творилось что—то невероятное. Самый настоящий полтергейст.

– Но ведь все обошлось? – уточнил я на всякий случай.

– Как видишь. Думаю, это была лишь прелюдия к основному действию.

– Так что же все—таки случилось?

– Моргал свет, – принялась перечислять Ксения, – двигалась мебель, дом стонал и трещал, предметы перемещались сами по себе.

– И это все? – перебил я нетерпеливо.

– А тебе этого мало? – Ксюша возмутилась не на шутку. – Да мы остаток ночи провели на улице! К тому же тебя никак не могли найти. Испугались, что тебя похитил призрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.